

Тригорий Тригоров

*Повороты
судьбы и
произвол*

1905—1927 годы

Григорий Григоров

**Повороты судьбы и
произвол. 1905—1927 годы**

«Издательские решения»

Григоров Г. И.

Повороты судьбы и произвол. 1905—1927 годы /
Г. И. Григоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905968-0

«Повороты судьбы и произвол» — книга воспоминаний Григория Григорова, ровесника XX столетия. Он был свидетелем и непосредственным участником событий первой половины века — революций, Гражданской войны; в двадцатые годы он принимал непосредственное участие в политической жизни, многие его свидетельства о внутренней жизни верхушки ВКП (б) уникальны и представляют большой интерес для историков. В данной книге представлена первая часть мемуаров, охватывающая события с начала века до 1927 года.

ISBN 978-5-44-905968-0

© Григоров Г. И.
© Издательские решения

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	6
Часть 1	7
Часть 2	8
Часть 3	9
Часть 4	10
Часть 5	11
Часть 6	12
ПРЕДИСЛОВИЕ	13
ЧАСТЬ 1	15
ГЛАВА 1	16
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	33
ГЛАВА 4	35
ГЛАВА 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Повороты судьбы и произвол 1905—1927 годы

Григорий Исаевич Григоров

© Григорий Исаевич Григоров, 2018

ISBN 978-5-4490-5968-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Часть 1

ГЛАВА 1. Первые детские впечатления. Еврейский погром и самооборона в городе Александровске. Моя старшая сестра Машенька и ее жених Миша Альтзицер, погибший в схватке с погромщиками.

ГЛАВА 2. Отрочество. Мои родители. Атмосфера доброты в нашей семье. В 11 лет заканчиваю талмудтору, начинаю работать. Мой первый бунт. Дружба с девочкой-дворянкой. Мой брат Матвей.

ГЛАВА 3. Встреча царской семьи на станции Лозовая.

ГЛАВА 4. 1914 год в поселке Лозовом. Эхо войны. Семья Долгих. Дискантов, мой верный друг.

ГЛАВА 5. Абрам Шлионский и Матус Канин, мои друзья и учителя.

ГЛАВА 6. Город Екатеринослав. Работаю в парикмахерских. Зайцем проскакиваю в оперный театр, слушаю Федора Шаляпина и певицу. Обстановка в стране в 1916 году.

ГЛАВА 7. Екатеринослав. Мой талантливый друг Эсаул Штейнгауз, крупнейший знаток истории Франции. Соня Солнцева. Работаю на Брянском заводе. Мудрый человек, литейщик Д. П. Лихачев. Занятия в кружках. Театр в моей жизни. Тревожное, но радостное время перед Февральской революцией.

ГЛАВА 8. 1917 1918 годы. Смутное время после Февральской революции. Двоевластие: Временное правительство и Советы рабочих и солдатских депутатов. Апрельские тезисы Ленина. Немецкая оккупация. Подполье. Петлюровец.

Часть 2

ГЛАВА 1. Политрук военного госпиталя. Политрук 7-й дивизии Юго-Западного фронта. Встреча с А. Коллонтай и П. Дыбенко. Выступление Л. Д. Троцкого в Екатеринославе.

ГЛАВА 2. По заданию подпольной организации налаживаю связь с рабочими и моряками Севастополя. Знакомство с семейством миллионера Шпицглюза. Беседа в доме Шпицглюза с участием хозяина, его дочерей и врангелевских офицеров.

ГЛАВА 3. 1919 год. Гражданская война. В екатеринославском подполье мне дают кличку Григоров, ставшую моей фамилией на всю последующую жизнь. При второй поездке в Севастополь меня арестовывают, допросы под пытками. Камера смертников Екатеринославской тюрьмы. Армия батьки Махно освобождает всех заключенных.

В гуще махновщины. На митинге слушаю Махно и анархиста Волина, речь которого произвела на меня сильнейшее впечатление.

ГЛАВА 4. Несколько дней безвластия. Обыватели растеряны, на всякий случай хранят портреты генералов Деникина и Врангеля, а также большевистских вождей Ленина и Троцкого. Возвращение в дивизию. Неудачный опыт создания молодежной коммуны.

Глава 5. Город Павлоград. Позорный союз большевиков с Петлюрой против Деникина. Мимолетные встречи с М. Тухачевским, К. Ворошиловым и С. Буденным. Трагедии «недель бедноты». Суд ревтрибунала над участниками Октябрьского восстания и Гражданской войны. Самоубийство моего учителя и друга Матуса Канина.

ГЛАВА 6. С эшелоном призывников в Москву. Беседы в вагоне. Первый день в Москве.

ГЛАВА 7. Военно-инженерные курсы. Старший политрук Московских военных госпиталей. Посещение госпиталя Л. Д. Троцким. Получаю направление на рабфак Московского университета.

Часть 3

ГЛАВА 1. Рабфаковцы. Дело Карузина. Встречи с Лениным. Профессора МГУ. Знакомство с Диной. Донос на меня в МКП.

ГЛАВА 2. Женидьба на Дине Белоцерковской. Дочери и знакомые моей жены. А. А. Сольц и Н. И. Бухарин. Бунты и мятежи. Рабочие и крестьяне против советской власти. Ленин о продналоге. Деградация студенчества.

ГЛАВА 3. Призыв Ленина к «единой воле». Первые оппозиции. Я начинаю прозревать. А. М. Коллонтай. О Смилге. О профсоюзах. Ленин в меньшинстве. Суд над эсерами.

ГЛАВА 4. Увлечение театром. Диспуты в Политехническом музее. Перехожу в ИКП.

ГЛАВА 5. ИКП. Формирование мировоззрения. «Бухаринская школка». Л. И. Аксельрод, И. Рубин, О. Танхилевич. Встреча с Красиным и Чичериным. Вызов в ЦК, меня направляют на «перевоспитание» в Иваново-Вознесенск.

Часть 4

ГЛАВА 1. 1923 год. Иваново-Вознесенск. Секретарь губкома С. Зорин. О Бухарине, о положении в партии. Бухарин о сходстве большевиков и немецких фашистов.

ГЛАВА 2. Бурное собрание в поселке Родники. Смерть Ленина и его завещание. На похоронах В. И. Ленина. Обострение борьбы за власть. Политбюро ЦК против Троцкого.

ГЛАВА 3. «Ленинский» призыв. Суть советского режима. Встреча с друзьями из МГУ и ИКП. Новый секретарь губкома в Иваново-Вознесенске, борьба с «гнилым» либерализмом. Самоубийство Лутовинова. Очередной вызов в ЦК и наказание.

ГЛАВА 4. Сибирь. Диспут с митрополитом Александром Введенским. Работа в редакции газеты «Советская Сибирь». Поездки по Сибири. Перевод в Ленинград.

Часть 5

ГЛАВА 1. Дни перед отъездом в Ленинград. Предложение написать книгу о быте молодежи. Михаил Иванов. Федор Пичурин

ГЛАВА 2. Хамелеон Г. Е. Зиновьев, его роль в грязной кампании по дискредитации Л. Д. Троцкого. Орел становится вороной. На XIV съезде ВКП (б) делегаты холуйски демонстрируют верноподданнические чувства новому вождю. «Перлы» сталинской речи на съезде.

ГЛАВА 3. Смерть Есенина. Встреча 1926 года. Н. К. Крупская. Соседи по «Астории» – А. Л. Бронштейн, Войтоловская и Карпов, Ф. Дингельштет и Советкина. Публикация книги «Старый и новый быт».

ГЛАВА 4. Десант в Ленинград посланцев ЦК ВКП (б). На меня посыпались предложения занять ответственный партийный пост. Выступления членов ЦК на ленинградских

заводах. С.М.Киров. В редакции газеты «Ленинградская правда». История с «Красной папкой».

ГЛАВА 5. Идеологическое наступление сталинистов. Новые философы обслуживают правящую партию. Преподаю философию, избегая идеологических рамок. Беспринципный блок отстраненных вождей. Демонстрация 7 ноября 1926 года с участием Троцкого и Зиновьева. Полулегальная встреча на квартире Кибальчича.

Часть 6

1927 год

ГЛАВА 1. Дела семейные, рождение сына. Начали снимать с работы и исключать из партии выступающих с критикой ЦК партии. Встреча с Женей Коган, бывшей женой В. Куйбышева. В ЦК ВКП (б) я с 1923 года – ревизионист. Административно-партийная ссылка на Урал.

В Свердловске с Мироновым и его женой Фаней Димант. В доме Ипатьева, где расстреляли царя и его семью.

ГЛАВА 2. Кунгур. Педагогический техникум. Платформа «83х». Нелегальное собрание в Перми. Меня исключают из партии.

ГЛАВА 3. Опять дома. На вечеринке у Миши Иванова. Назревает угроза ареста.

ГЛАВА 4. Москва. Встречи с друзьями. Сталинцы переходят к решительным действиям. Торжество холуев на XV съезде. «Революционная целесообразность» выше закона.

ГЛАВА 5. Несколько дней в Москве. В. Косиор комментирует последние новости. Беседа с И. Смилгой, в прошлом членом Реввоенсовета республики. Продолжительная беседа с Л. Д. Троцким в Главконцесском. Встреча с Л. Д. Троцким на квартире А. Белобородова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые мысль о необходимости рассказать о некоторых событиях моей жизни, о моих друзьях возникла у меня в начале 1938 года. Я тогда находился в концлагере Кочмес. Как-то вечером, когда после тяжелой работы заключенные лежали на нарах, в нашем бараке появились начальник лагерного режима и два надзирателя. Всем приказали построиться в проходе между нарами. Начальник режима вначале перечислил фамилии 50 заключенных Воркутинского концлагеря, а затем зачитал решение «тройки» того же концлагеря, в котором было сказано, что перечисленные заключенные приговорены к высшей мере наказания за саботаж, отказ от работы и бунт. И так в течение месяца, каждый вечер нам зачитывали очередные 50 фамилий заключенных и решение об их расстреле. На самом деле заключенные объявили бессрочную массовую голодовку в связи с ужесточением режима. В один из вечеров среди 50 приговоренных были названы Паша Кунина, Виктор Эльцин, Гриша и Марк Рубашкины, Федор Дингельштет и другие, кого я очень хорошо знал до моего ареста в декабре 1934 года. А добрейшая Паша Кунина была ближайшей подругой моей жены еще с 1910 года. Все они были людьми благородными, духовно богатыми, высоконравственными, идеалистами и романтиками, отдавшими много сил борьбе за свободу и демократию во имя лучшей жизни народа. И вот представители этого народа по воле кремлевского изувера хладнокровно расстреляли их в ледяной Воркутинской тундре. Вскоре мы узнали жуткие подробности этой трагедии.

Заключенных, закованных в кандалы, выводили из бараков, неоправившихся после голодовки выносили. Всех под усиленным конвоем вели в зону Кирпичного завода, где расстреливали. Расстрелянных не хоронили, трупы оставили на замерзшей земле, постепенно их заносило снегом, но долго изпод снега кое-где торчали руки, головы и ноги. Адская картина, апофеоз сталинского режима. Я был потрясен, не мог спать, на работе не выполнял норму. Огромным усилием воли преодолел это состояние.

Тогда я и решил, что если выйду на свободу, то напишу об этом ужасе. Нельзя допустить, чтобы поколения, следующие за нами, не узнали о беспредельном изуверстве сталинского режима.

В 1955 году я покинул последний в моей жизни концлагерь, приехал в город Дзержинск Горьковской области, где жили моя жена и старшая дочь. Предполагал, что после того, как осмотрюсь в новой жизни, устроюсь на работу, начну работать над воспоминаниями. Все оказалось не так просто. За мной был установлен негласный надзор КГБ; людей, бывавших в нашем доме, приглашали в это учреждение, расспрашивали, чем я занимаюсь, какое у меня настроение, чем интересуюсь, не пишу ли воспоминания. Я понял, что пока нельзя заниматься воспоминаниями. Но я времени не терял, в огромных количествах поглощал труды по истории, художественную литературу, публицистику. И чем больше читал, тем больше убеждался в том, что когда дело дойдет до воспоминаний, то в них недостаточно будет ограничиться описаниями отдельных событий и личностей. Еще задолго до моего ареста в 1934 году я обратил внимание на то, что по указанию ЦК ВКП (б) начали переписывать заново целые периоды истории России. Но человеку, находившемуся много лет в заключении, трудно было представить, что процесс фальсификации истории приобрел столь глобальный и целенаправленный характер.

В 1965-м меня реабилитировали, началась многолетняя работа над воспоминаниями. К тому времени я уже твердо решил не ограничиваться рассказом об отдельных событиях и личностях, а по возможности передать общую атмосферу нескольких лет перед Февраль-

ской революцией и периода Гражданской войны, написать о трагической судьбе моего поколения. Весьма интересны обстоятельства, при которых я впервые задумался над тем, что мне как ровеснику века, активному участнику и свидетелю бурных событий, сотрясавших Россию/СССР в XX веке, есть что рассказать. Я попал в Финляндию как военнопленный. Это был странный плен, военнопленные пользовались определенной свободой передвижения за пределами лагеря. Мне представилась возможность побывать в Хельсинки и познакомиться с сотрудниками Геологической комиссии Финляндии. Они живо интересовались моим прошлым. Особенно большой интерес проявил сын русских эмигрантов. Я рассказал ему о моих злоключениях, о сталинских тюрьмах и концлагерях. Его это настолько заинтересовало, что он стал убеждать меня не возвращаться в СССР, остаться в Финляндии и заняться мемуарами, в которых рассказать о том, что произошло в России после свержения монархии в 1917 году.

При этом он сказал, что издательство гарантирует мне гонорар в сумме миллиона марок. Тогда это искреннее предложение эмигранта меня развеселило. Но одновременно я задумался над тем, что такие мемуары могут представлять интерес, если в них описать то, что я пережил и чему был свидетелем, попытаться проанализировать процессы общественного, политического и социального характера, происходившие в России/СССР после Февральской революции 1917 года, которые в конечном итоге привели к сталинизму.

Возможно, кое о чем никто кроме меня не расскажет. Например, мало кому известно имя Владимира Михайловича Смирнова, крупнейшего ученого-экономиста, идеолога оппозиции демократических централистов в РКП (б), близкого друга Л. Д. Троцкого. В 1928 году мы с ним оказались в ссылке в сибирском селе Суэрское. От В. М. Смирнова я узнал много интересного, в том числе и о встрече в 1926 году группы военных с Л. Д. Троцким, которому они предложили, опираясь на воинские части, нейтрализовать Сталина и всех его сторонников в ЦК партии и ГПУ. Конечно, я включил это в мои воспоминания. Значительная часть моих воспоминаний – это рассказ о пребывании в тюрьмах и концлагерях, на этапах, в ссылках по приговору и без, по указанию ЦК партии. Советские тюрьмы, концлагеря, этапы – это «вещь в себе», во многом скрытая, не познаваемая для тех, кто не был заключенным.

В воспоминаниях, в основном в хронологическом порядке, я рассказываю о происходивших событиях и о себе в гуще этих событий, о моих друзьях, людях мужественных, благородных, талантливых, о тех, кто оказал на меня большое влияние, а так же о трусах, подлецах, предателях, палачах, следователях, лжесвидетелях, о моих мыслях и чувствах. Одновременно я попытался найти объяснение происходившему, выявить причинно-следственные связи событий. Я ровесник XX века, с начала века огромную страну постоянно сотрясали бурные, тяжелейшие события, часто приобретающие характер разрушительных катаклизмов, определявшие русло, в котором протекала моя жизнь.

ЧАСТЬ 1

1927 год

ГЛАВА 1

Первые детские впечатления. Еврейский погром и самооборона в городе Александровске. Моя старшая сестра Машенька и ее жених Миша Альтшицер, погибший в схватке с погромщиками

Я ровесник века, родился в 1900 году в городе Стародуб Черниговской губернии. Фамилия нашей семьи – Монастырские – пошла от деда отца, крестьянина. Небольшая деревня, в которой он жил, располагалась возле монастыря, и все жители были Монастырскими. В 1919 году при отступлении частей Красной армии из Екатеринослава меня оставили работать в тылу Добровольческой армии и дали подпольную кличку Григоров, которая стала моей фамилией на всю жизнь. В год моего рождения отцу было 40 лет, матери 38, и в семье уже росло пять детей в возрасте от четырех до пятнадцати лет. Через два года после моего рождения вся семья переехала в город Александровск на Днестре Екатеринославской губернии. Вместе с нами жили бабушка и дедушка матери (мой прадед), бывший николаевский солдат, прослуживший в царской армии 25 лет. После армии он поселился в городе Курске, где родилась и жила до замужества моя мать. Очень смутно помню прадеда, он все время лежал на лежанке, пристроенной к русской печке. Прадед прожил 102 года, перед смертью он сам зажег свечи, лег и тихо умер.

Я начинаю воспоминания с 1905 года: два события этого года глубоко запали в мою детскую память. Одно – это рождение брата Яши. Какое-то время я удивлялся тому, что в доме появился маленький человечек, вокруг которого было много суеты. Вскоре я очень полюбил маленькое, беспомощное существо, с удовольствием укачивал его, пел ему песенки. Меня дома стали называть нянькой. Второе событие того же года – это еврейский погром, произошедший на моих глазах. Как видно, я был впечатлительным ребенком, если до сих пор могу в деталях восстановить ужасные сцены погрома. И как это ни покажется странным, но произошедшее на глазах пятилетнего мальчика в какой-то степени повлияло на мое восприятие окружающего мира, на отношение к людям, с которыми довелось сталкиваться в дальнейшем. Несмотря на мой малый возраст, я интуитивно ощутил бессмысленную жестокость озверевшей черносотенной толпы. С тех пор я никогда уже не мог спокойно относиться к насилию над слабым и беззащитным человеком, особенно когда это насилие принимало форму тупой разнузданности. Сохранилось у меня туманное воспоминание о моей бабушке, часто гладившей меня по голове. Потом я узнал от моей матери, что бабушка была гордым человеком, будучи совершенно безграмотной, она высоко ставила чувство собственного достоинства. Бабушка плюнула в лицо приставу в Курске и ударила его кулаком в грудь, когда он вместе с жандармами пришел арестовать моего дядю, брата моей матери.

Александровск был небольшим, довольно грязным городком. Немощенные пыльные дороги, сбоку которых были проложены деревянные мостки. Только в центре города, где жили дворяне и торговцы, попадались участки булыжных дорог. После сильных дождей дороги превращались в липкую грязь, и ребятишки лепили из нее различные фигурки. Река Московка делила город на две части, соединявшиеся деревянным мостиком. Летом реку можно было переходить вброд. На одном берегу реки раскинулись поля пшеницы и огромные баштаны, принадлежавшие болгарам, основным поставщикам на базар свежих овощей. Между баштанами и рекой пролегал узкая тропинка, по которой ватаги мальчишек босиком, в рубашонках навыпуск, с удочками через плечо двигались к Днестру, не забывая по пути на баштанах запастись свежими помидорами, огурцами, початками кукурузы. Изредка на баштанах появлялся

сторож, прихрамывавший старичок. Особо ретивых воришек, топтавших грядки с овощами, он хлестал длинным кнутом. За баштанами тянулась полоса фруктовых садов, принадлежавших немецким колонистам.

Поселились они в этих краях при императрице Екатерине II. Колонисты жили богато, используя дешевую рабочую силу, набиравшуюся в ближайших украинских деревнях. Домики колонистов с крышами из красной черепицы отличались чистотой и аккуратностью. Возле каждого домика большие цветники. В детстве и отрочестве я водил дружбу с мальчиками старше меня. В Александровске моим другом был Саша Шаргородский, когда мне было пять лет, ему – двенадцать. Он был сыном состоятельных родителей, учился в гимназии. Саша многое умел: увлекательно пересказывал приключения, вычитанные из книг, смело прыгал с крыши дома, хорошо плавал и нырял, прекрасно пел. Однажды он спас тонувшего мальчика, попавшего в речной водоворот. Я всегда смотрел на Сашу с восхищением, в моих глазах он был героем. Отец часто брал меня в синагогу, в будние дни в маленькую бешмедрес, где старики сидели

над Танахом. Желтыми пальцами они часто набивали в нос нюхательный табак. Перед ними лежали огромные книги в кожаных переплетах, старики водили пальцами по строчкам, что-то напевали, часто спорили. В субботу и праздники отец брал меня в хоральную синагогу. Она производила на меня впечатление своей торжественностью, ковчегом со свитками Торы, многочисленными свечами. Мне очень нравилось пение кантора и хора мальчиков. Мальчики были одеты в бархатные пелеринки, на голове четырехугольные бархатные шапочки. Очень скоро мне довелось узнать и другую сторону жизни – и с тех пор поблекло то, что раньше казалось красочным и привлекательным. В детстве я не знал ни классовых, ни национальных различий, но зловещие события, произошедшие в нашем городке, многое изменили в моих детских представлениях о жизни, о людях. Мое безоблачное детство закончилось с еврейским погромом. До погрома все люди казались мне одинаково хорошими, в моем сознании они делились на детей и взрослых, мальчиков и девочек, смелых и трусливых. После погрома я узнал, что есть убийцы, звери в облике человека. После погрома даже образ Саши Шаргородского потускнел.

Возвращаюсь к дням перед погромом. В мое детство ворвался как освежающий ветер Миша Альтцигер, молодой человек, приехавший из Америки с двумя своими товарищами. Была суббота. Для евреев это день отдыха, тихой радости и раздумий. В доме чисто, светло, на столах белоснежные скатерти, в больших медных подсвечниках, вычищенных до блеска, таинственно мерцают огоньки. У моей трудолюбивой матери, всегда озабоченной, думающей о своих детях, в этот день улыбка не сходит с лица. Ее синие глаза излучают какой-то особый свет. Мои сестры в этот день со мной обращаются очень ласково, называют меня еврейским именем Гершеле. Отец, высокий, статный, в раздумье прохаживается по комнате, разглаживает свою огромную бороду, черную с проседью. Борода у него была разделена на две части, поэтому мы называли его Горемыкиным*, имевшим такую же бороду. В субботу отец надевал старый черный сюртук, из кармана которого всегда торчал красный платок. В тот субботний день я сидел у окна и играл с кошечкой. Тишина и праздничный покой были нарушены приходом моей старшей сестры Машеньки. Ее сопровождал незнакомый молодой человек атлетического сложения, роста выше среднего, с большим лбом, упрямым подбородком с ямочкой посередине. Его черные волосы блестели как воронье крыло, из-под крупных бровей прямо смотрели темно-карие блестящие глаза.

* И. Л. Горемыкин (1839—1917), председатель Совета министров в 1906 и 1914—1916 гг. (Здесь и далее примеч. ред.)

Сестру Машеньку я очень любил, она казалась мне самой красивой и доброй. Она отличалась грациозностью, тонкой талией и длинной русой косой, в которую всегда вплеталась голубая лента. Она отличалась ровным характером, никогда не повышала голос, спокойно объясняла мне, чаще других выходявшему за рамки дозволенного, что мой поступок приносит вред окружающим.

И вот моя любимая сестра Машенька пришла в дом с незнакомым молодым человеком. Она познакомила его с отцом, мамой, а затем подвела ко мне и так представила меня: это самый задорный член нашей семьи, не любит, когда затрагивают его чувство собственного достоинства. Миша Альтцигер подал мне свою огромную руку, сказал: «Будем друзьями». До этого мне никто руки не подавал, я был в восторге. Миша прибыл в наш город из Америки, куда он эмигрировал почти юнцом. Он рассказывал, что в Америке нашел свою настоящую родину, где никто и никогда не напоминал ему, что он еврей. Встретившись с моей сестрой в танцклассе, он увлекся ею, и вскоре у нас в доме начали говорить о возможной свадьбе. Я иногда прикладывал ухо к двери и слышал, как мать говорила: «Это, доченька, твое счастье, он скромненький, симпатичный, хорошо относится к своей матери, переплыл океан, чтобы увезти ее в Америку».

Жених Машеньки мне нравился, он разговаривал со мной, как со взрослым, называл меня будущим бойцом за дело бедных людей, при этом грустно улыбался. Я спросил у Миши: «Есть ли бедные в Америке?» Вот что он ответил: «Они всюду есть, Гришенька, но в Америке им разрешают открыто бороться за свои права, а вот русский царь этого не разрешает».

Он говорил, что вся наша семья может переехать в Америку. Я помню, что через несколько лет вся наша семья собралась перебраться в Америку, родной брат отца, живший в Америке, прислал все необходимые документы и билеты на пароход. Но в то время много писали о гибели «Титаника», и моя мать наотрез отказалась ехать. Вот таковы превратности судьбы.

Мой отец много беседовал с Мишей на различные темы. Я прислушивался к их беседам, хотя понимал очень мало. Миша часто от серьезных разговоров внезапно переходил на шуточный, задорный тон. Он заводил граммофон и начинал танцевать с Машенькой, чаще всего вальс «На сопках Маньчжурии».

Но скоро судьба сделала такой крутой поворот, что кончилась радость в нашем доме, кончилось и мое безоблачное детство. Бывают в жизни рубежи, когда скачкообразно изменяется восприятие внешних событий, после чего начинается новая фаза в жизни человека. Таким рубежом в моей жизни стал еврейский погром.

Помню начало погрома. Я пошел с матерью покупать овощи. Вдруг услышал душераздирающий крик женщины: «Спасите, убивают, ругайте, гевалт!» Мать схватила меня за руку и стремительно бросилась в ту сторону, откуда раздавался крик. Я увидел жуткую, омерзительную картину: какой-то человек бил ногами женщину, которая лежала на земле, ее лицо было залито кровью. В это же время около десятка каких-то типов грабили лавку, набивали карманы орехами, халвой, ирисками, мармеладом, опрокидывали корзины с яблоками. У черносотенца, избивавшего женщину, был огромный живот, низкий покатый лоб, на который падали спутанные, грязные волосы.

Он очень напоминал гориллу. Моя мать крикнула, обращаясь к стоявшим неподалеку мужчинам: «Что же вы смотрите, как избивают и грабят женщину, помогите ей, если у вас есть

хоть капля человеческого чувства!» Никто из наблюдавших за избиением женщины не пошевелился. К базару подошли новые группы хулиганов, и начался грабеж всех еврейских лавочек и избиение беззащитных евреев. Крестьяне быстро запрягли лошадей и удирали, клетки с домашней птицей, стоявшие на телегах, были разбиты, и из них с кудахтаньем и шумом вылетали куры, гуси, утки. Евреи голосили, звали на помощь, но толпа городских обывателей безмолвствовала. Вдруг появился отряд всадников, среди которых все узнали известного кузнеца по прозвищу Мотл Полторажида. Кузнец отличался огромным ростом, богатырскими плечами и очень энергичным лицом. Вместе с ним прибыло около двух десятков человек: еврей-рабочие, студенты, русские интеллигенты. У некоторых в руках были железные прутья, у студентов – пистолеты. Это был отряд еврейской самообороны. Один из студентов с красивой русой бородкой обратился к черносотенцам, требуя немедленно прекратить погром. К нему подошел погромщик, похожий на гориллу, и потянул за куртку. Внезапно к этому погромщику подскочил Мотл Полторажида и нанес ему кулаком такой сильный удар, что горилла опрокинулся на спину и заревел во все горло хриплым голосом: «Христиане, жида бьют нашего брата!»

Чем все кончилось, я не видел, пришел мой отец с Машенькой, они утянули нас домой. А погром принимал более широкие масштабы. Наша семья жила в доме торговца Гребенюка. Он с целью защиты своих жильцов-евреев на воротах нарисовал мелом большой крест, означавший, что в доме нет евреев. Евреи вели себя по-разному – одни усердно молились в синагоге, другие прятались, чаще всего в погребах. Спускали туда одеяла, подушки, детей и стариков. Молодежь готовилась к обороне, вооружались железными прутьями, дубинками. В городе было организовано несколько групп, в которые входили евреи, русские рабочие и студенты – социал-демократы, эсеры и анархисты. Мой отец предложил матери спуститься со мной в погреб, но она наотрез отказалась, взяла меня за руку и сказала: «Гришенька, будем сидеть во дворе, что будет, то будет, от судьбы никуда не уйдешь». Крепко засели в моей памяти эти слова моей матери, которые она часто повторяла. Этот фатализм мне неоднократно помогал, когда я попадал в беду. Мы с мамой просидели во дворе около часа, затем по деревянной приставной лестнице забрались на чердак. Там перед нами открывалась широкая панорама: степь, слободка, большая балка. Увидели, как слободские парни и девки и даже старушонки несли перины, подушки, граммофоны, стулья, награбленные в еврейских домах. Неожиданно небольшая группа всадников подлетела к этим грабителям и стала лупить их плетками. Грабители побросали награбленное добро и с криком убежали в сторону слободки. Район слободки был основной базой, где Союз Михаила Архангела набирал погромщиков. В нашем доме первый день погрома прошел без происшествий. Вечером сидели, не зажигая лампы, настроение у всех было тяжелое. Неожиданно появился Миша Альтцигер. В руках он держал толстый железный прут, его глаза лихорадочно блестели, лоб был покрыт потом. Миша сообщил: «Мы узнали, что сегодня ночью банды черносотенцев намерены устроить большую бойню, среди них много и уголовников. Полиция не вмешивается. Мы можем надеяться только на себя и на наших друзей, необходимо от обороны переходить к наступлению».

Машенька стояла бледная, она понимала, к чему готовится Миша и что ему угрожает опасность. Зажгли лампы, мой отец подошел к Мише, положил руки ему на плечи и сказал: «Я рад, что среди евреев есть такие люди, как вы, которые, не боясь за свою жизнь, готовы вступить в бой с погромщиками». Миша ушел, а часа через два его привезли мертвым на телеге. Я видел запекшуюся кровь на его виске. Благодаря активным действиям еврейской самообороны погром в городе был остановлен. Погибло десять человек. Если сравнивать с еврейскими погромами в других городах, особенно в Кишиневе, где погибли сотни, то можно сказать, что по тем временам – это не много. Нет, невозможно смириться с гибелью даже одного человека, ставшего жертвой только потому, что он еврей. Невозможно смириться с мракобесием. Для

меня, пятилетнего мальчика, жертвы погрома в Александровске воплотились в гибели Миши Альтциера, молодого рабочего с чудесной улыбкой и душой рыцаря. Я тогда был слишком мал, чтобы осознать эту трагедию, но всем своим существом я почувствовал, что в наш дом пришло большое горе. Похороны Миши превратились в демонстрацию протеста против царского самодержавия, негласно поддерживавшего погромщиков. Но мне запомнились не речи, произнесенные над гробом Миши, а совсем другое. На всю жизнь в моей памяти запечатлелся образ его матери – маленькой седой старушки, которая, обезумев от горя, подходила ко всем и спрашивала: «Скажите, за что убили моего мальчика, он был такой ласковый, у него были шелковые волосики... За что убили моего Мишеньку, ведь он переплыл через большой океан, чтобы увезти свою бедную мать... За что же его убили?» Ненадолго пережила мать своего сына. Моя сестра Машенька тяжело заболела, врачи боялись за ее жизнь. Немного оправившись от болезни, Машенька стала часто куда-то уходить из дома и возвращалась очень поздно. Мама и отец ни о чем ее не спрашивали, отец же немного ворчал.

Иногда Машенька вечером стала приходиться с незнакомыми людьми, они подолгу о чем-то говорили. Однажды я услышал такой разговор: «Царь после поражения в Русско-японской войне пытается отыгаться на передовых людях России, а черносотенцы усилят свою грязную деятельность, они уже говорят, что в поражении России виноваты евреи, которые во главе с Бронштейном (Троцким) выступают против царя. Поэтому социал-демократы должны активной сотрудничать с еврейскими рабочими, принимать участие в организации групп еврейской самообороны».

С тех пор я часто вспоминал еврейский погром и разговоры, которые велись в нашем доме после него и ощущал потребность с кем-то обсудить виденное и пережитое. И только в 1916 году, в Екатеринославе, я встретил человека, которому поведал о том, что меня волновало, и он подробно, с большим знанием дела рассказал мне о вечном еврейском вопросе. Это был Абрам (Муля) Шлионский, не по годам разносторонне образованный молодой человек, приехавший в Екатеринослав из Вильно. О нем и его близком друге Матусе Канине я довольно подробно рассказал в отдельной главе воспоминаний. Здесь же только отмечу, что последний раз я встретился с Абрамом Шлионским в Москве в 1921 году, перед его отъездом в Палестину. Шлионский, как когда-то в Екатеринославе, звал меня в Палестину, убежденно доказывал, что только после создания там еврейского национального очага евреи смогут добиться всеобщего признания и обрести достойную жизнь. Но я тогда еще уповал на мировую революцию, которая должна была привести к осуществлению заветной мечты выдающихся умов человечества о свободе, равенстве и братстве всех людей на земле.

О еврейском вопросе я задумывался часто, но однажды – при необычных обстоятельствах. Шел 1952 год. Норильский концлагерь. Лагерный суд приговаривает меня к новому сроку: десять лет заключения в концлагере и один год внутрилагерной тюрьмы. Среди пяти стукачей-свидетелей, написавших на меня ложные доносы, было три еврея. Во время так называемого суда эти жалкие, съезжившиеся, смотрившие в пол лжесвидетели униженно докладывали суду о моих «грехах». За эту услугу им обещали перевод на легкие работы. Ночью, лежа на нарах, понимая, что я уже до конца своей жизни не выйду на свободу, стал вспоминать свою жизнь, начиная с далекого раннего детства. Передо мной пронесли страшные дни еврейского погрома в городе Александровске. А потом всплыла могучая фигура Мотла Полторажида верхом на лошади. По трудно объяснимой ассоциации в памяти перекинулся мостик от еврейского погрома к последнему «судебному процессу», к трем жалким евреям лжесвидетелям. И тут я вспомнил Шлионского, наши горячие споры по вечному еврейскому вопросу и его убежденность в необходимости создания в Палестине еврейского национального очага. Я уже

знал о создании государства Израиль и войне за независимость. И вот только теперь, в 52 года, на лагерных нарах я до конца осознал, что никакие социальные революции не освободят евреев от унижений и не принесут им так необходимого человеческого достоинства.

ГЛАВА 2

Отрочество. Мои родители. Атмосфера доброты в нашей семье. В 11 лет заканчиваю талмудтору, начинаю работать. Мой первый бунт. Дружба с девочкой дворянкой. Мой брат Матвей.

В городе Александровске было несколько фабрик, много различных мастерских и больших торговых складов, особенно зерновых, реальное и коммерческое училища, гимназия, два кинотеатра и даже драматический театр. Заметную часть населения составляли евреи. Городская еврейская община была большой и богатой. Евреи, владельцы фабрик и крупные торговцы, постоянно делали значительные взносы в кассу еврейской общины, особенно щедрым был миллионер-хлеботорговец Лещинский. Община построила в городе большую, красивую хоральную синагогу, детский приют, дом для престарелых и больницу с необычайно хорошими условиями для больных.

В еврейской общине города поддерживалась замечательная традиция помощи бедным семьям, особенно перед каждым еврейским праздником и в организации свадеб, вплоть до приобретения приданого невесте. Хоральная синагога была широко известна за пределами города, иногда в ней пел знаменитый кантор Сирота, приезжавший из Америки, а я и мой близкий друг Саша Шаргородский пели в синагогальном хоре. Старостой синагоги был очень популярный и уважаемый в городе человек, доктор Жаботинский. Говорили, что он близкий родственник отца Владимира Жаботинского, ставшего одним из лидеров сионистского движения. Жаботинский часто бывал в нашем доме. Однажды я застал мою мать в слезах, она старалась скрыть их от меня, отворачивалась и вытирала лицо фартуком. Когда я вошел в комнату, где лежал мой младший брат Яша, я заметил постороннего человека, который щупал руку Яшеньки.

Я сразу же понял, что он серьезно заболел. Он тяжело дышал, а его маленькое личико было покрыто красными пятнами. Это была дифтерия. В то время еще не было противодифтерийной сыворотки. Мне категорически запретили входить в комнату брата, но никто и не думал объяснить причину такого запрета. Поэтому в глубине души я решил, что как-нибудь проникну к своему братишке, чтобы его повеселить. Во дворе я рассказал своим сверстникам о болезни брата, но они не придали этому особого значения, а потащили меня в сарай, чтобы похвастать какой-то находкой. Это были пачки нюхательного табака. Мои товарищи со смехом совали друг другу в нос нюхательный табак, громко чихали, глаза у них наполнялись слезами, и все они были веселы и громко хохотали. Мне тоже сунули табак в нос, я начал чихать, и из моих глаз потекли обильные слезы. Мне в голову пришла странная мысль: давай-ка я моего братишку развеселю, пусть тоже посмеется. Я полез к нему через выходящее в сад окошко, незаметно подкрался к его кровати и большую понюшку нюхательного табака сунул ему в нос. Братишка закричал благим матом, зачихал, буквально содрогаясь своим маленьким тельцем. Я сильно перепугался, еще не успел выпрыгнуть из окна, как в комнату вбежала перепуганная мать. Я забился в угол, замер, меня лихорадило. Что я наделал? Я даже заплакал, бросился к матери, уткнулся в ее фартук, целовал ее руки и кричал во все горло: «Мама, это я сделал, прости меня, я больше не буду!» Мать притянула меня к себе, и мы вместе заплакали. Явились отец и сестра Машенька, которая быстро побежала за врачом. Послышался шум коляски, и быстро вошел доктор Жаботинский. К приходу доктора совершилось какое-то чудо: больной ребенок затих и даже как-то повеселел. Доктор его долго щупал, проверял пульс, смотрел горло, как-то странно закивал головой в сторону мамы и твердым голосом заявил: «Ребенку лучше, есть надежда на выздоровление». Врач сам был в недоумении, он не мог себе объяснить причину

такого поворота в состоянии больного. Мама ему рассказала про нюхательный табак. Оказалось, что брату действительно помог нюхательный табак: содрогаясь всем телом и чихая, больной выкашлял из себя все, что мешало его дыханию. Врач бросил фразу: «Ваш мальчишка спас малыша». С этого времени не только в доме, но и во всем городе меня считали ангелом-хранителем, а врач Жаботинский, когда приходил к нам, называл меня Гиппократом. Вскоре после этого случая мой братишка совсем поправился. Но как ни странно, этот случайный эпизод из моего детства зародил во мне мысль о том, что в жизни есть много непонятного, чудесного, фатального.

Я начал как-то серьезней воспринимать окружающий меня мир, стал задумываться о людях и их отношении ко мне. Меня стали беспокоить такие вопросы: почему все люди живут по-разному, что наши соседи думают о нас, отчего одни относятся к нашей семье хорошо, а другие – не очень. Отца, мать, братьев и сестер я начал воспринимать не просто как мою семью, а как людей с определенными характерами, мыслями, привычками. В нашей семье было восемь детей, до меня появились на свет вначале три сестры, затем два брата, после меня – брат и сестра. Достаток в семье был всегда ниже среднего, хотя отец, старшие братья и сестры всегда работали, отец – портным, остальные – на фабриках. Память сохранила самые теплые воспоминания о жизни в родительском доме. В нем царил атмосфера доброты и, как я могу теперь сказать, спокойного оптимизма. Я не помню ни одной серьезной ссоры. Думаю, что все это в основном определялось человеческими качествами отца и матери, к которым мы относились с глубочайшим уважением. О них хочу написать отдельно.

Отец, Исая, был высокого роста, плотного телосложения. Он был физически сильным и спокойным человеком, при ходьбе держался прямо. В нем совершенно естественно сочетались глубокая религиозность и прогрессивные взгляды относительно политического и социального устройства общества. Официального образования он не получил, но от природы был мудрым и рассудительным человеком, хорошо знал историю, особенно историю еврейского народа и Французской революции. Когда впоследствии он узнал о моих симпатиях к социал-демократам, вероятно, опираясь на исторические аналоги, бросил поистине сакраментальную фразу: «Революционеры хороши до тех пор, пока они не приходят к власти, получив власть, они прежде всего перебьют друг друга».

Отец прилично знал три языка: с мамой говорил на идиш, за обедом ко всем обращался на древнееврейском, а в остальное время говорил по-русски. На древнееврейском читал Пятикнижие Моисея. Мне запомнилось его совершенно особенное, без преувеличения, благоговейное отношение ко всему, что касалось образования. От детей он требовал уважительного отношения ко всем учителям без исключения, бдительно следил за выполнением школьных заданий, очень тяжело переживал, когда кто-то из детей должен был вместо учебы идти работать. Думаю, что отцу я прежде всего обязан тем, что с малых лет и до преклонного возраста люблю учиться, люблю книги. И еще одно хорошо запомнившееся качество отца – он с огромным уважением относился к жене, моей матери, хотя она была безбожницей.

Мать, Рахиль, осталась в моей памяти молодой, легкой, чистой и очень доброй. Она была небольшого роста, со светлыми густыми волосами и яркими синими глазами. У нее были тонкие черты лица и аккуратная фигура, двигалась она быстро и изящно. Она отличалась веселым характером, большой любознательностью, исключительной чистоплотностью и кулинарным талантом. Очень любила театр и еврейские праздники, тщательно к ним готовилась с соблюдением всех правил и установлений. В Бога не верила, но по праздникам и субботам всегда вместе с отцом ходила в синагогу. Умела хорошо шить на швейной машинке и худо-

жественно вышивать, всему этому обучила дочерей. Она постоянно проявляла повышенный интерес к политике, остро переживала социальную несправедливость и ограничение свободы личности. Такое же отношение к этим проблемам она привила и детям. Она настолько серьезно относилась к борьбе с самодержавием, что неоднократно бралась расклеивать по городу крамольные листовки. А дома у нас с согласия родителей частенько собирались молодые люди различных политических взглядов: социал-демократы, эсеры, сионисты, анархисты. Эти встречи проводились под видом вечеринок. На стол ставили вино и закуски. А мать в это время стояла на часах, должна была дать сигнал о приближении жандармов. Когда это случалось, собравшаяся молодежь начинала петь и танцевать.

Вероятно, под влиянием матери, в условиях того далекого бурного времени в моей жизни общественные интересы на много лет отодвинули на второй план личные. Уже став взрослым, я осознал, насколько большое влияние именно в период отрочества оказала семья на формирование моей жизненной позиции и какими цельными личностями были мои родители. В нашей чисто рабочей семье все любили музыку, песни, театр. Дома был граммофон и много пластинок. Часто вечерами слушали классическую музыку – Бетховена, Моцарта и Баха, а также арии из опер в исполнении Шаляпина, Карузо, Собинова и Неждановой.

В десять лет я начал увлекаться кино и театром. В городе было два кинотеатра, один – «Чары» – для простого люда, другой – «Лотос» – для более обеспеченных. Однажды я зайцем проскочил в этот кинотеатр, шел фильм «У камина». В нем играли знаменитости того времени: Вера Холодная, Мозжухин, Максимов, Полонский, Лысенко и Рунич. Но меня больше привлекал театр, и я часто бывал в городском театре. Это было круглое, напоминающее цирк, огромное деревянное здание на окраине города. В Александровск приезжали самые различные театральные труппы: украинские, русские, еврейские. В театре мне нравилось все, начиная с большого здания, огромного вестибюля с буфетом, где собиралась городская знать, и кончая театральными складами. У подъезда театра всегда стояли кареты с извозчиками, которые привозили на спектакли более состоятельных юбилейщиков театра, провинциальных меценатов и известных актеров. Особенный восторг у мальчишек вызывало появление кареты миллионера Лещинского. Из нее обычно выходили важные дамы в огромных шляпах, атласных платьях с большим количеством украшений. Этих дам сопровождали хорошо одетые мужчины в высоких цилиндрах. Приятный запах духов, браслеты, ожерелья и кольца, длинные шлейфы платьев – все это производило на меня и моих сверстников такое сильное впечатление, что мы смотрели на них с раскрытыми ртами. Контролеры театра, одетые в голубые шитые золотом камзолы, с подчеркнутой услужливостью встречали этих именитых зрителей, низко кланяясь им. Но мы, безбилетные мальчишки, пользовались этими церемонными приемами и с быстротой зайцев устремлялись на галерку. Сердце мое замирало, когда на сцену выходили герои пьесы и разыгрывали жизнь, так не похожую на ту, которая окружала меня дома и на улицах моего города. В этом неказистом деревянном театре зарождалось мое чувство прекрасного, я одинаково восторгался и Наталкой Полтавкой, и легендарным еврейским героем Бар Кохбой, и Норой Ибсена. Но почему-то самое сильное впечатление произвел Алим – крымский разбойник. Я был целиком на стороне главного героя, всем своим существом ненавидел его мучителей и так громко выражал свой восторг, когда этот «разбойник» убежал из тюрьмы, спустившись по веревочной лестнице, чуть не упал с галерки в партер.

Хотя я понимал не все, что происходило на сцене театра, но как-то подсознательно улавливал все справедливое и несправедливое. Если не в моем мировосприятии, то по крайней мере в моем сознании каждая пьеса совершала огромный переворот.

Но я бывал в театре и легальным путем: моя мать и сестры очень любили театр и часто брали меня с собой. Как-то в город приехала еврейская труппа Фишзона, она ставила много спектаклей по рассказам Шолом Алейхема и на тему еврейской истории. Узнав, что для спектакля «Бар Кохба» нужны статисты, я пришел в театр и попросил принять меня. Я попал в особый, наполненный романтикой мир. Хорошо помню мое участие в спектакле «Бар Кохба», сюжетом которого послужили эпизоды известного исторического события – восстания иудеев Палестины в 132—135 годах нашей эры против римского господства. В спектакле было показано, что вначале иудеи под руководством Бар Кохбы разгромили войска римлян, но в дальнейшем потерпели жестокое поражение. И вот наступил торжественный момент. В спектакле принимали участие около 20 мальчиков, в основном гимназисты и ученики школ. Зал был переполнен. Одетые в бархат, парчу и головные уборы из золотой бумаги мальчики с важным видом несли шлейф иудейской царицы, казавшейся мне необыкновенной красавицей. Царица красивым меццо-сопрано печально пела куплеты о жизни своего народа. Но мне казалось, что все зрители смотрят на меня. Я был из мальчиков самым маленьким по росту, и мне досталась привилегия поднести на бархатной подушечке дары иудейской царице. Я важно встал на колени, вытянул руки с подушечкой, на которой лежали фальшивые драгоценности. Царица меня поцеловала в лоб. На свете не было более счастливого человека, чем я. После спектакля меня погладил по голове суфлер и сказал, что я буду хорошим артистом.

С тех пор я мечтал стать артистом. Я не пропускал ни одного спектакля, хотя у меня было мало средств, чтобы покупать билеты. Поэтому я решил бесплатно помогать в работе по оформлению сцены. Перетаскивал реквизит, ящики, доски, подметал сцену, помогал гримеру, вытряхивая слежавшиеся парики. Я готов был выполнить любое распоряжение администраторов, артистов и дирижера оркестра. Очень скоро я стал своим человеком за кулисами, присутствовал на репетициях и, конечно, был непременно зрителем всех постановок. Я жил театром, дома пытался разговаривать высоким стилем, подражал голосу и манерам любимых артистов. Песни, особенно романсы, я пел всюду, где находились слушатели. Чаще всего ими были мои сестры и братья, мать и все мои друзья по дому. Особенно часто я пел «Белую акцию» и «Чайку».

Большую роль в моем отрочестве сыграла еврейская школа – талмуд-тора. До нее я ходил к старому учителю, ребе, который нас учил древнееврейскому языку и заставлял изучать Пятикнижие. Мы должны были читать древнееврейские тексты нараспев, покачиваясь, как маятники. Малейшая оплошность в чтении этих текстов либо отвлечение от книги вызывали гнев ребе, который бил детей палочкой по руке, а иногда и по голове. Малышей заставляли механически заучивать наизусть всю родословную древних пророков: Авраама, Исаака, Якова. Но в Талмуд-торе все было иначе. Пора учебы в школе осталась в моей памяти, как сплошной праздник. Занятия наши длились всего по четыре часа, в перерывах нам давали вкусные завтраки за счет средств еврейской общины. Перед всеми праздниками в школу приходили женщины и девочки из богатых семей и в торжественной обстановке всем ученикам раздавали подарки. Мне очень нравилось учиться, я не пропускал ни одного дня, даже когда был болен. Хотя школа была религиозной, в ней наряду с древнееврейским языком, Торой, Талмудом и еврейской историей большое внимание уделялось русскому языку и литературе, алгебре и геометрии, истории – древней, общей и государства Российского. Нас знакомили с произведениями Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Шолом-Алейхема, Бялика. Преподавание в основном велось на русском языке. Учился я легко, уже в классе весь материал настолько усваивал, что дома мне нечего было делать. В результате четырехлетнюю программу я прошел за два года. Но мне так не хотелось расставаться со школой, что я упросил директора разрешить мне еще год посещать занятия.

Окончивший талмуд-тору получал образование примерно в объеме пяти классов классической гимназии. Мне исполнилось одиннадцать лет. Я успешно закончил еврейскую школу и мечтал о поступлении в гимназию. Директор школы Израиль Маркович относился ко мне очень благосклонно, хотя я иногда доставлял ему неприятности. Например, незадолго до окончания школы я ввязался в драку между гимназистом и учеником нашего класса. Вначале я был пассивным наблюдателем: считалось, что, когда двое дерутся, третий не должен вмешиваться.

Но вдруг я услышал, как гимназист назвал моего товарища «жидовская морда». Мне внезапно стало жарко, я бросился к гимназисту и сильно двинул его кулаком по лицу. На меня жаловались директору школы. Он вызвал меня, я ожидал взбучки, но, к моему удивлению, разговор пошел совсем о другом. Директор расспросил о положении в семье, а затем, ласково посмотрев на меня, сказал: «Школа будет ходатайствовать перед еврейской общиной о помощи для продолжения твоей учебы в гимназии или в реальном училище». Но вскоре пришлось расстаться с этой мечтой. Мой отец из-за излишней прямооты и резкости характера не мог найти постоянной работы. Старших сестер, работавших на табачной фабрике, уволили из-за участия в забастовке. В семье решили, что мне надо подыскать посильную работу.

Мои старшие братья работали на фабрике парусиновых туфель, принадлежавшей Голубовичу. Этот делец считался либералом, он любил говорить, что содержит фабрику не ради наживы, а для обеспечения людей работой. Судя по всему, Голубович был довольно начитанным человеком, иногда он в разговорах приводил цитаты из романа Чернышевского «Что делать?». Во всяком случае, он умел ладить со своими рабочими, иногда подбрасывал им небольшие надбавки к заработной плате. Когда в связи с материальными затруднениями в нашей семье отпала мысль о продолжении моей учебы, я изъявил желание пойти работать на ту же фабрику парусиновых туфель. Брат Абрам работал закройщиком, Матвей, быстро освоив новую технику, на машине пришивал подошвы. Меня посадили у небольшой машинки, я должен был на туфлях закреплять пистоны в отверстиях для шнурков. За работу я получал 5 рублей в месяц, работал по 10 часов в день, не разгибая спины. Все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы не испортить туфлю. При этом я испытывал чувство удовлетворения от того, что вместе со старшими братьями помогаю семье. Я гордился тем, что я уже не иждивенец, а честно зарабатываю на хлеб. В нашей семье родители всем детям с малых лет прививали уважение к любому труду и поручали нам выполнять посильную работу. После трех месяцев работы на фабрике родители купили мне полусуконный костюм черного цвета и кожаные ботинки фирмы «Скорород». Ботинки скрипели, и мне это казалось особым шиком: я замечал, что у офицеров сапоги скрипели.

С важным видом я входил по субботам в хоральную синагогу. Мне казалось, что все смотрят на меня, обращают внимание на мой костюм и новые ботинки. Своей походке я старался придать значительность, подчеркнуть, что я уже работаю на фабрике. Но недолго продолжалась моя работа у «либерала» Голубовича. Однажды, накануне праздника еврейской пасхи, на фабрике ко мне подошел сам хозяин, улыбнулся и попросил пойти к нему домой и помочь его жене по хозяйству. Мой брат слышал этот разговор, делал мне знаки глазами и руками, чтобы я отказался. Но Голубович так меня просил, что я не смог ему отказать, в чем очень быстро раскаялся. Скоро выяснилось, что мой брат был прав. Я явился к мадам Голубович, сказал, что меня прислал ее муж помочь ей по хозяйству. Голубовичи проживали в огромной многокомнатной квартире, мебель из красного дерева, на стенах висели фамильные портреты в золоченых рамах. Я ожидал, что хозяйка предложит мне колоть дрова или носить воду: я был крепким подростком. Я очень удивился, когда хозяйка сунула мне в руки тряпку и заставила

мыть пол в большой кухне. Я как-то сразу сник, молча взял тряпку, окунул ее в ведро с водой и начал тереть пол. Через полчаса хозяйка пришла проверить мою работу, заметила, что одно место вымыто плохо. И тогда произошло то, что на всю жизнь внушило мне отвращение ко всем хозяйчикам. Мадам Голубович схватила меня за волосы – а у меня были густые, шелковистые волосы, которыми я гордился, – и стукнула меня головой об пол, в то место, которое было плохо вымыто. До того так со мной никто не обращался. Кровь прилила к моему лицу, я напрягся, как струна. Передо мной, как в тумане, маячило жирное лицо хозяйки, она показала мне огромной жабой с торчащими вверх ушами. Плохо соображая, я схватил грязную тряпку, которой мыл пол, и со всего размаха бросил ей в лицо. Она истерически закричала, упала на стоящую рядом небольшую кушетку, а я бросился бежать. Я мчался все дальше и дальше от дома фабриканта. Перебежал через деревянный мостик, перекинутый через речку Московку, оказался среди баштанов, фруктовых садов. Бежал дальше, добежал до днепровских плавней и здесь свалился от усталости...

Наступила ночь, тихая украинская ночь, воспетая еще Гоголем. Я немного успокоился, смотрел на поблескивавшую в лунном свете воду Днепра, прислушивался к пению птиц и шелесту дубовой рощи. Природа всегда действовала на меня умиротворяюще, где бы и в какой ситуации я ни находился. Я впервые по-детски задумался над вопросами социального характера. Например: почему наша большая трудовая семья живет в скромной квартире, а маленькая семья Голубовичей занимает огромную квартиру? Почему я должен работать на фабрике, когда мне так хочется учиться? Я мечтал учиться в гимназии или реальном училище. Мне представлялось, что жизнь устроена несправедливо. То ли от физической усталости, то ли от горьких дум глаза начали слипаться, я уткнулся в куст можжевельника и заснул.

Проснулся рано утром, почувствовал себя бодрым и очень голодным. Ко мне подошел старичок с седенькой бородкой и длинными волосами, как у апостолов на картинках. В одной руке он держал большую суковатую палку, в другой – внушительный кнут. Я его узнал: это был сторож, работавший на баштанах. Певучим украинским говорком он сказал: «Откуда, хлопче, чего ты здесь шляешься?» В его голосе я почувствовал доброту и сочувствие, рассказал ему о случившемся со мной. Сторож слушал внимательно, сел на пенек и закурил большую сигарку. Из кармана широченных шаровар, какие носили запорожцы, он вытащил красный мешочек и извлек из него большой кусок сала, половину хлеба, помидоры и соль. Дедушка Опанас (так звали сторожа) большим финским ножом разрезал сало и хлеб на ломтики, погладил свои седые усы и сказал:

– Давай снідати, хлопче.

Его добрые слова, маленькие светлые глаза, окруженные морщинками, а также природа вокруг нас так на меня подействовали, что бесследно исчезли все мрачные мысли. На душе стало светло, легко. Я был уверен, что мать меня поймет и простит. Но как поведет себя отец, предположить было трудно, поскольку он считался с общественным мнением, когда вопрос касался чести его семьи. Я посоветовался с Опанасом насчет того, как мне себя вести. Он успокоил меня, объяснил, что из-за моего возраста полиция ничего со мной делать не будет, но с фабрики меня уволят...

Незаметно подошел я к нашему дому и по приставной лестнице забрался на чердак, решил оттуда понаблюдать за своими родителями и двором. Недолго пришлось мне ждать, первое, что я услышал, был плач моей матери. Она, побледневшая, в сопровождении Матвея вошла через калитку во двор и начала причитать: «Где же мой Гришенька, мой родной сыночек... Я задушу своими руками эту стерву Голубиху, если что-нибудь случится с Гришенькой!»

Я не выдержал. Слетел с чердака и бросился к ней. Трудно передать радость матери, моих братьев и сестер – все они по-очереди меня обнимали, целовали. Сбежались соседи со всего дома. Я стал центром общего внимания. Появился отец, я прижался к матери. Отец подошел ко мне, положил свою большую руку на мою голову и сказал: «Молодец, сынок, я бы на твоём месте поступил так же».

Оказывается, все знали в подробностях историю моего столкновения с мадам Голубович. Эта толстуха сама растрезвонила по городу о моем нападении на нее. Голубиха прибежала на фабрику со следами на лице от половой тряпки, хозяин заявил моему старшему брату, что сообщит обо всем в полицию.

Мне потом рассказали, что мой брат, держа в руках нож, которым он кроил туфли, пригрозил хозяину забастовкой, если дело попадет в полицию. Вечером, после работы, к нам домой приходили рабочие и работницы фабрики, обнимали меня и жали руки. В их глазах я был героем. Слава обо мне распространилась по всему городу. Не могло быть и речи, чтобы я мог и дальше работать на фабрике Голубовича. Да я и сам этого не хотел. К тому же подвернулась другая работа, которая мне очень нравилась. Я стал уличным продавцом газет.

Я всегда с завистью смотрел на мальчиков, которые залихватски выбегали из типографии с пачками газет и звонкими голосами кричали о последних новостях во всем мире. Помню, что они тогда кричали: «Амундсен на Южном полюсе, убийство Столыпина, гибель „Титаника“». В то время выходили газеты «Русское слово», «Приднепровский край», «Киевская мысль», «Петербургская копейка» и «Московская копейка».

Я зашел в местную редакцию и неуверенно спросил, не требуются ли уличные продавцы газет. Старичок, заведующий редакцией, спросил меня: грамотен ли я, умею ли громко кричать. На что я ответил: грамотен и умею не только кричать, но и петь. Старичок рассмеялся и попросил меня что-нибудь спеть. Я спел несколько романсов, с большим чувством исполнил «Чайку». Услышав мое пение, из типографии, находившейся рядом, пришли рабочие, они после каждого спетого романса аплодировали. Заведующий редакцией сказал, что я принят на работу и завтра рано утром могу явиться за газетами.

Я поднялся в 5 часов утра, два часа ждал, когда откроется редакция. Разносчики пришли за газетами и с любопытством меня разглядывали. Я получил около сотни различных газет, еще пахнувших типографской краской, некоторые небольшие газеты печатались в местной типографии. Быстро двинулся к центральной улице города.

Когда я был уже опытным уличным продавцом газет, проходил процесс Бейлиса, которого обвиняли в том, что он зарезал русского мальчика Ющинского с ритуальной целью. Это было громкое дело. Вся прогрессивная общественность была на стороне обвиняемого. В Киев по «фастовскому делу» приезжали лучшие юристы того времени, чтобы принять участие в этом деле. Среди них были Грузенберг, товарищ министра юстиции Маклаков, Зарудный и даже Керенский. Во время «фастовского процесса» газеты шли нарасхват. Возле редакции с раннего утра собирались толпы народа, ждали, когда мы выйдем со свежими газетами. Тут же нас окружали, вместо 1 и 5 копеек за газету нам давали по 10 и 15. Можно сказать, что за время этого громкого процесса я обогатился.

Работа уличным продавцом газет способствовала быстрому расширению моего политического кругозора уже в годы моего отрочества. Хотя тогда я еще многого не мог понять, но уже знал, какие проблемы волнуют общество.

Теперь совершенно о другом. В Александровске, наискосок от дома, где мы снимали квартиру, в красивом доме с мезонином жила дворянская семья Зарудных, близких родственников знаменитых украинских помещиков, владевших огромными землями. Дом с мезонином был окружен пышными акациями и большими цветниками из роз, орхидей, жасмина и красных маков. С душевным трепетом я проходил мимо дворянского уголка, не решаясь присесть на лавочку, стоящую возле дома между двумя большими акациями. Но однажды, это было в апреле, когда украинская весна наполняет чудным ароматом весь воздух, я услышал звуки пианино. Окно было открыто, и до меня долетали чудные звуки музыки. Потом кто-то запел. Я услышал очень мелодичный голос. Это пела девочка двенадцати лет, она сама себе аккомпанировала на рояле. Позже я узнал, что эту девочку зовут Наташей и что она принадлежит к дворянской семье Зарудных и учится в женской гимназии, где часто выступает на школьных концертах.

Был чудный апрельский вечер. Я присел на скамейку между акациями, на ту скамейку, которую считали запретной зоной, так как нельзя было запросто подходить к дворянскому двору простым людям. Не скрою, я завидовал этой Наташе, завидовал, что она живет в таком красивом доме, играет на пианино, учится в гимназии и участвует в школьных концертах.

Однажды, сидя на скамейке, я о чем-то думал и не заметил, как легко скрипнула калитка, и из нее вышла девушка, вся в белом с туго заплетенной длинной темно-русой косой. Я вздрогнул, растерялся и покраснел, словно кто-то поймал меня на воровстве. Я поднялся со скамейки, опустил голову и пытался скорее покинуть то место, которое считал святым. Но вдруг я услышал голос – это был голос Наташи. Каково же было мое удивление, когда она назвала меня по имени.

Я вообще был не из робких, но в тот момент не знал, как себя вести. Я обернулся к Наташе, молча смотрел в ее темные глубоко посаженные глаза. Она была почти одного роста со мной и показалась мне настолько прекрасной, что я ее поставил даже выше той царицы, которой подавал ожерелье в пьесе «Бар Кохба». Наташа тоже смотрела на меня и улыбалась. Первой заговорила она: «А я вас знаю, Гриша, давно, а вы меня нет... слушала ваши романсы вместе с моей тетей, – и дальше сказала такое, что привело меня в трепетный восторг: – Мы давно с тетей говорили, что вам не мешает учиться пению, что из вас выйдет хороший певец... хотите, я буду вам аккомпанировать?» Я не верил своим ушам. Слова Наташи прозвучали как музыка... Я не решался ответить, так как очень волновался. Мне кажется, что это и была моя первая любовь – любовь красивая, святая, полная преданности и чувства самопожертвования.

Скоро мы стали с Наташей друзьями. Вместе пели, читали. Наташа давала мне читать книги Пушкина, Лермонтова, Гоголя. А однажды предложила прочитать «Царя Эдипа» Софокла, затем «Одиссею» Гомера. Ее поражала моя память, так как я мог наизусть читать не только поэмы Пушкина, но и Гомера. Я забросил Ната Пинкертон, Шерлока Холмса, Ника Картера и запоем читал классиков, брал их из большой личной библиотеки Зарудных. Передо мной открылись новые горизонты. Скоро я познакомился и с живописью: Репиным, Серовым, Рафаэлем. Во всем городе не было более счастливого газетчика. Я бегал по городу быстрее молнии, выкрикивал о последних происшествиях во всем мире, о речах в Государственной Думе, о Ленских событиях... и в то же время жил мыслью, что вечером встречу с Наташей.

Я узнал все о жизни Наташи. Оказалось, что она круглая сирота и воспитывалась у тети, сестры своей матери, таинственно погибшей где-то в Швейцарии. Отец Наташи тоже погиб, когда ей было четыре года. Наташа знала все о своих родных, не скрывала ничего от меня.

Тетя Наташи, Александра Федоровна Зарудная, с умилением смотрела на нашу дружбу. Она давала нам советы, что можно читать и что читать нам еще рано. Так, например, она категорически запретила нам читать «Воскресение» Л. Н. Толстого и даже «Анну Каренину». Этими сочинениями тогда увлекалась вся молодежь.

Но счастье недолговечно. Как-то А. Ф. Зарудная пришла к моей матери и предложила ей, чтобы мои родные передали ей меня на воспитание. Обещала похлопотать, чтобы меня приняли в гимназию и музыкальную школу. Но при этом ставила одно условие, а именно, что я должен стать христианином. Когда моя мать об этом услышала, она пришла в ужас. Нужно сказать, что в нашей семье никогда особенно не гордились своим национальным происхождением, хотя отец был человеком религиозным и аккуратно посещал синагогу. Но никогда в нашем доме презрительно не отзывались о какой-либо другой национальности. Я часто слышал из уст отца такие слова: все равно, в кого верить: в Моисея, в Христа или в Магомета... только бы верить... без веры жить трудно, своей верой человек отличается от животного. На синагогу, церковь отец смотрел как на

место, где люди возвышаются над мелкими чувствами и забывают взаимные обиды. Философия моего отца не мешала ему вступать в бой с теми, кто, пользуясь своим положением и богатством, пытался занимать особые места в синагоге в торжественные праздники.

Когда отец услышал о предложении Зарудной, он был взбешен. Большими шагами ходил по квартире и кричал: «Они думают, что мы торгуем своими убеждениями и сыновьями, как пшеницей и овсом». Слушая отца, видя его волнение, я не обмолвился ни одним словом, тихо сидел на кухне. Но мне было как-то не по себе. Я, конечно, не понимал причины его гнева и считал, что отец оскорбляет прекрасных людей, хорошо ко мне относившихся, только за то, что они богато живут и относятся к дворянскому сословию.

После этих событий я перестал ходить в дом к Зарудным, мне было стыдно. Но с Наташей мы продолжали встречаться, вести разговоры о прочитанных книгах и последних кинофильмах. Мы втайне от моих родных и ее тети ходили в театр. Причем билеты всегда покупала Наташа. Однажды Наташа принесла мне пригласительный билет на вечер в женскую гимназию. Я оделся в самый лучший костюм и новые ботинки. Долго перед зеркалом причесывал свои кудри, рассматривал свое лицо и задавал себе вопрос: «За что ко мне, еврейскому мальчику, так хорошо относится эта дворянка?» Меня довольно долго занимал этот вопрос.

Как-то однажды пришел к нам Соломон Фрадкин, муж моей старшей сестры. Мне было известно, что мой шурин считался весьма квалифицированным рабочим-жестянщиком. Я часто видел его работающим на крышах, носил ему обед. Соломон был человеком молчаливым и даже мрачным, хотя за этой внешностью скрывался добрый человек. В те дни, когда в нашем доме много было разговоров о трагедии в далекой Сибири*, мой шурин подошел ко мне, внимательно посмотрел мне в глаза и сказал: «Григорий, ты уже не мальчик... сможешь ли сделать одно важное дело, о котором нужно сохра нить тайну?» Когда я ответил, что смогу сохранить любую тайну, мой шурин передал мне пачку прокламаций. Я тогда впервые услышал это слово. Мне было поручено встать утром пораньше и расклеить на заводских заборах прокламации, особенно на заводе Лепа и Вальмана. Я эту прокламацию предварительно сам прочитал. В ней

шла речь о том, что рабочие должны объявить двухчасовую забастовку в знак протеста против Ленских расстрелов. Я с огромной охотой выполнил это первое задание подпольной революционной организации. Уже в 5 часов утра жители нашего маленького городка могли читать прокламации, расклеенные на воротах и завода Лепа и Вальмана. Я шел по городу, засунув руки в карманы, и видел, как группы рабочих, внимательно читая расклеенные прокламации, что-то обсуждают и шепчутся.

* Имеется в виду расстрел бастующих рабочих на Ленских золотых приисках в Якутии 17 апреля 1912 г.

Городовые разгоняли сгрудившиеся толпы. Я с гордостью носил в себе тайну. Романтика, навеянная встречами с Наташей Зарудной, куда-то улетучилась. Процессы, происходившие в те годы во всех слоях общества, глубоко затронули нашу семью. Брат матери Соломон, социал-демократ, был приговорен к ссылке в Сибирь; за оскорбление исправника был осужден на один год тюрьмы муж моей старшей сестры, срок отбывал в местном остроге. Мать, сестра и я раз в неделю ходили к воротам тюрьмы, муж сестры подходил к решетчатому окну в воротах, и мы передавали ему сверток с пищей и бельем, предварительно проверенный тюремным надзирателем. К воротам тюрьмы подъезжало много крестьянских подвод, я видел заплаканные лица крестьян, и вся картина свиданий удручающе не меня действовала.

В это же время оказался в тюрьме, правда ненадолго, брат Матвей, он был арестован, как он сказал, за участие в операции по экспроприации какого-то местного купца, проведенной группой анархистов. Его через два месяца освободили, так как он еще не достиг совершеннолетия. О жизни моего брата Матвея наша семья знала мало, он редко бывал дома, а когда бывал, почти не рассказывал о своих делах. Он был на четыре года старше меня, окончил талмуд-тору, стал высококвалифицированным слесарем, много читал, рано начал интересоваться политикой, еще юношей стал идейным и очень активным анархистом. Его настольной книгой была книга Петра Кропоткина «Речи бунтовщика». Главным в его характере было свободолюбие и сильно развитое чувство собственного достоинства, он не терпел никакого насилия. Вероятно, это и привело его

к анархизму, весьма популярному в те годы политическому движению. В городе его знали как необыкновенного танцора и постоянно приглашали на еврейские свадьбы.

Судьба Матвея трагична. Всю свою короткую сознательную жизнь он посвятил борьбе за идеи анархизма. Поскольку анархизм бескомпромиссно отрицал вмешательство централизованной государственной власти в частную и общественную жизнь людей, большевики, придя к власти, самым жестоким образом начали преследовать анархистов. Практически все анархисты были физически уничтожены к концу 20-х годов. Погиб в концлагере в те годы и мой брат Матвей.

В 1912 году отец из-за резкости характера и излишней прямооты потерял постоянную работу. Сестры, работавшие на табачной фабрике, лишились работы из-за участия в забастовке и демонстрации по поводу Ленских событий. Я стал замечать, что в нашем доме перестали петь и устраивать вечеринки, исчез смех. Мать уходила куда-то на весь день работать, а вечером приносила гусиные ножки, из которых варили суп; со стола постепенно исчезали мясо, масло и знаменитая фаршированная рыба, которую мать необыкновенно хорошо готовила. Я услышал, как отец говорил матери о необходимости переехать жить в другой город, поскольку в Александровске полиция стала проявлять большой интерес к нашей семье.

Однажды отец куда-то уехал и отсутствовал целую неделю. Появился он страшно взволнованный, усталый и категорическим тоном заявил, что надо собирать пожитки, так как мы переезжаем жить в другое место, на станцию Лозовая. Услышав эту новость, мать заплакала, а я стоял, как окаменевший...

Перед отъездом из Александровска я пошел попрощаться с Наташей Зарудной. Она, по обыкновению, играла свои гаммы. Я подошел к открытому окну ее дома и запел тихим голосом: «И готов я всю Гренаду за твою любовь отдать...» Наташа подскочила к окну, кивнула мне и быстро выбежала на улицу. Я сразу, на одном дыхании, сообщил ей, что наша семья уезжает жить на новое место и я пришел проститься с ней. После этого мы оба довольно долго молчали, потом пожали друг другу руки и разошлись.

ГЛАВА 3

Встреча царской семьи на станции Лозовая.

Станция Лозовая по тем временам была крупным железнодорожным узлом, через который проходили трассы с юга, севера, востока и запада. По обе стороны большого кирпичного здания вокзала проходило множество железнодорожных путей. К станции примыкал поселок, из которого можно было попасть на вокзал через длинный металлический мост с деревянным настилом, перекинутый от перрона через все железнодорожные пути.

Часть нашей семьи переезжала в поселок Лозовой из города Александровска по настоянию отца, мои старшие сестры и братья остались в Александровске. Наше прибытие на станцию Лозовая совпало с весьма примечательным событием. Мы выгрузились из вагона и сразу же заметили большое оживление на перроне вокзала. Одетые в белые кителя, тревожно бегали жандармы, полицейские, офицеры и солдаты. На перроне выстроился воинский оркестр, перед которым в белых перчатках стоял усатый капельмейстер. Со всех сторон сбегался народ, мальчишки сидели на заборах, взрослые заняли пешеходный мост над железнодорожными путями. Мужики и бабы, пугливо озираясь, крестились. К нам подбежал городовой и крикнул на украинском языке: «Что вы, жидовье, нэ бачитэ, что царь йидэ, брысь выдциля».

Ни отец, ни мать не принадлежали к трусоватым людям и ответили городовому не совсем вежливой фразой, назвав его пустоголовым чурбаном. Городовой вытаращил глаза, но почему-то сразу изменился, стал вежливым и, как мне показалось, уже жалобным тоном попросил нас подняться на перрон и войти в здание вокзала. Когда мы очутились у вокзала, до наших ушей долетали крики «ура», «ура», «ура». Эти крики сопровождались пением гимна «Боже, царя храни». К вокзалу медленно приближался поезд, состоявший из блестящих синих вагонов. На платформе выстроилась какая-то депутация из местных купцов и помещиков. Маленький толстяк в шароварах и красной рубаше держал на вытянутых руках «хлеб-соль». Рядом с ним стояли осанистые мужчины, на головах у них красовались цилиндры. Жандармы вытянулись в шеренгу, на краю перрона разместилось много расфранченных дам, одетых в длинные со шлейфом платья и соломенные шляпы в лентах. Эти дамы больше всех волновались. Оркестр непрерывно гремел. Публика неистово кричала «ура», особенно широко раскрывали рты жандармы и за ними какие-то люди в длинных сюртуках, по-видимому, представлявшие местных хуторян – героев аграрной реформы Столыпина. Кто-то подбежал к моему отцу, пытался снять с его головы картуз, но, выслушав хорошую отповедь, немедленно убежал, что-то пробурчав себе под нос. Из четвертого вагона вышел небольшого роста человек с рыжей бородой. Он был в белой рубашке, подпоясанной солдатским ремнем с большой металлической бляхой. Никаких погон на рубаше не было. На ногах сапоги, в которые заправлены неглаженные брюки с красными лампасами. Это и был Николай II – самодержец России.

Вслед за самодержцем вся Руси вышла высокая и плотная дама, одетая во все белое. Это была Александра Федоровна, царица, или, как ее называли в народе, Алиса. Она держала за руку хилого с желтоватым лицом мальчика, наследника русского царя, великого князя Алексея Николаевича. Он, как и его отец, был одет в белую рубашку и был подпоясан солдатским ремнем. На плечах наследника красовались красные погоны без всяких нашивок. Говорили, что это форма кадетского корпуса. Затем появилась одна из дочерей царя, которая скромно держалась сзади матери. Из последнего вагона на платформу вышел высокий худощавый старик со впалой грудью, при движении он весь немного наклонялся вперед. Это был дядя царя,

великий князь Николай Николаевич. Николай II покачивающейся и неуверенной походкой, сильно размахивая руками, подошел к офицерам жандармского корпуса и всем по очереди пожимал руки. При этом он приятно улыбался. Офицеры и жандармский полковник, выпятив груди, держали правую руку у козырька. Царица в соломенной шляпе, украшенной голубыми лентами, несколько надменно улыбалась и раскланивалась во все стороны, махала белым платочком. Нарядные дамы буквально неистовствовали, кричали «ура», задыхались от слез, сморкались и вытирали глаза батистовыми платочками, махали в сторону царицы своими шарфиками, бросались друг другу в объятия и громко чмокались. Я стоял взбудораженный, ошеломленный всем виденным, особенно не отрывал глаз от наследника. Мне почему-то было жаль этого хилого мальчика. Мой восьмилетний братишка, которого я крепко держал за руку, тихо спрашивал меня: «Кто такой царь? Почему люди так громко кричат, а тети плачут?» Мне тогда трудно было ответить на эти простые вопросы. Я только мог ему сказать: «Стой, молчи, не дергайся». Я сам имел смутные представления о самодержце, дома у нас говорили о царе либо шепотом, либо вполголоса.

Но я хорошо запомнил, что он сослал моего дядю в Сибирь и дал приказ расстреливать рабочих на золотых приисках реки Лены. В моем сознании слово «царь» ассоциировалось с какой-то темной силой, жестокостью, беспощадностью. Но глядя на этого рыжебородого человека с приятной улыбкой, напоминающего больше мужичка, чем самодержца, как-то не верилось, что в нем заложена такая устрашающая сила, способная держать в страхе народ.

Раздался колокольный звон... Народ начал расходиться. Отец снова взвалил мешок на плечи. И мы поплелись за ним через железнодорожный мост в поселок. В дальнейшем я почему-то неоднократно вспоминал эту случайную встречу. Очень четко перед моими глазами возникла встреча на станции Лозовая, когда я узнал о чудовищной расправе со всей царской семьей. Я отрицательно относился к самодержавию, но в моей голове не укладывался этот акт вандализма.

ГЛАВА 4

1914 год в поселке Лозовом. Эхо войны. Семья Долгих. Дискантов, мой верный друг.

Поселок Лозовой административно входил в Екатеринославскую губернию. Проживало в нем 40—45 тысяч человек, в основном ремесленники, торговцы и рабочие, обслуживавшие железную дорогу. В поселке было много мелких ремесленных мастерских и различных складов, а также армейских казарм.

Мы устроились в маленьком деревянном домике, снаружи вымазанном белой глиной. Одной стороной домик выходил на узенькую грязную улицу, куда жители выливали помои и выбрасывали мусор, другой – на большой пустырь, заросший бурьяном. Водопровода и реки в поселке не было, воду два-три раза в день возили издалека в больших бочках, поэтому ее цена была довольно высокой – полкопейки за ведро.

Наша квартира состояла из одной большой комнаты и кухни с русской печкой и плитой. Часть комнаты отец превратил в пошивочную мастерскую, поставил швейную машину фирмы «Зингер», гладильную доску и паровой утюг. Маляр намалевал вывеску, изобразив даму в манто и шляпе, и написал, что дамский портной принимает заказы. Первые две недели заказов не было, деньги были на исходе. Наш дневной рацион свелся к ржаному хлебу, картошке, зеленому луку и квасу. Пока заказчиков не было, я слонялся по поселку. Недалеко от вокзала в одноэтажном каменном здании находилась мужская гимназия. Я подолгу простаивал возле гимназии, прислушивался к голосам, и мое сердце сжималось от тоски. Мне так хотелось учиться, но я понимал, что это невозможно.

Как-то, придя домой, я увидел женщину с мальчиком примерно моего возраста. Это была первая заказчица. Мама фартуком вытерла стул, усадила посетительницу. Это была местная торговка овощами с круглым розовым лицом и огромным бюстом. Отец должен был сшить мальчику костюм из серого сукна и драповое пальто. Он охотно взялся за этот заказ, хотя был дамским портным. Заказчица не торговалась насчет цены. У первой заказчицы оказалась легкая рука, ей понравились вещи, сшитые отцом, и она начала присылать новых заказчиков. С появлением заказов я должен был помогать отцу. В мои обязанности входили обеспечение водой, древесным углем, подготовка утюга, самовара, лучинок для розжига, смазка швейной машины.

Наше положение начало улучшаться, на столе появились мясо, сахар, французские булочки, а по субботам традиционная фаршированная рыба. Мать моя была знатной кулинаркой, она придерживалась принципа: готовить вкусно, но дешево. В Александровске она считалась большим авторитетом по части кулинарии, а вскоре и в Лозовом к ней зачастили местные кумушки за советами. Слава ее быстро разнеслась по поселку, ее пригласили работать поварихой в домашний ресторан мадам Штерн. Этот ресторан размещался напротив вокзала, поэтому кроме местных завсегдатаев туда заглядывали и пассажиры, часами ожидавшие транзитных поездов. Семья Штерн была трудовой и честной. Глава семьи занимался покупкой и продажей пшеницы, но это не давало больших доходов. Ресторан мадам Штерн был главной материальной базой большого семейства. Все в этой семье были людьми общительными и доброжелательными. Старшая дочь заметила мою тягу к знаниям, она давала мне книги, а потом спрашивала о прочитанном.

Мы жили в поселке Лозовом уже более года, когда пришло известие об убийстве эрцгерцога Фердинанда. Люди бежали на вокзал, чтобы купить свежие газеты. Побежал и я. В газете «Русское слово» прочитал: «Сегодня утром в Сараево выстрелом из револьвера убиты проезжавшие в коляске эрцгерцог Фердинанд и его супруга». Пошли разговоры о возможной войне. Я прислушивался к разговорам на улице. Одни считали эрцгерцога другом Николая II, другие говорили, что он родственник германского императора Вильгельма. Один студент сказал: «Война неизбежна, Германия объявит войну России, а Австро-Венгрия поддержит Германию». К моему стыду, хотя я много читал, но тогда еще плохо знал географию, не представлял, где находятся те государства, о которых говорили.

Из газет узнали, что Австро-Венгрия угрожает Сербии войной, а Россия будет защищать Сербию. Оживилось местное дворянство и купечество. В гимназии устраивали благотворительные вечера, где директор и некоторые преподаватели произносили патриотические речи. Оркестр из гимназистов играл гимн «Боже, царя храни». Окна гимназии были открыты, и мы часто усаживались на подоконниках, разглядывали нарядных дам и кавалеров. Нас не прогоняли, мы, босоногие мальчишки в полусатиновых рубашках и ситцевых штанах, как бы олицетворяли простой народ. Как-то из гимназии выбежала группа гимназистов, они направились к железнодорожному мосту. Мы последовали за ними. Гимназисты начали петь песню, мелодия была торжественная, поднимала настроение. Ко мне подошел высокий гимназист, обнял за плечи и предложил петь вместе с ними. Песня мне очень понравилась, только через год я узнал, что пели «Марсельезу», гимн Великой французской революции. Слух и память у меня хорошие, я быстро выучил эту песню. «Марсельеза» на всю жизнь осталась для меня знаменем свободы, равенства и братства.

Начавшаяся война существенно подорвала бюджет нашей семьи, моему отцу все меньше и меньше поступало заказов. Люди перестали думать о нарядах. Мне надо было начать работать.

Рядом с рестораном мадам Штерн, в том же дворе, находилась парикмахерская Кислова, на двери которой висело объявление: «Требуется мальчик, харчи и пристанище хозяйские». Несмотря на войну, волосы у людей росли, в парикмахерской было много работы. На пороге парикмахерской стоял сухощавый, среднего роста пожилой человек – это был хозяин парикмахерской Кислов. Он посмотрел на меня пристально и сказал:

– Мне нужен хороший, честный, работоспособный мальчик, которого мы в дальнейшем сделаем мастером. Я обещал Кислову быть честным, послушным и хорошо работать. Кислов сказал мне, что я буду жить в его квартире, есть за общим столом с его семьей, но денег получать не буду, так как мальчики в парикмахерской получают чаевые от клиентов. Я согласился на эти условия, выбора у меня не было. Мне объяснили мои обязанности. Я должен был рано вставать, убирать зал парикмахерской, протирать зеркала, готовить горячую воду для бритья после того, как клиент будет обслужен, подать ему пальто и фуражку... Ночами я читал книжки, и это скрашивало мою жизнь. Однажды хозяйка застала меня за чтением, запретила мне расходовать дорогой керосин. Тогда я на базаре купил небольшую лампу и бутылку керосина и продолжал читать по ночам.

Кислов был владельцем двух парикмахерских, одна из которых располагалась напротив мастерской головных уборов, принадлежавшей Долгину. Я познакомился со всей семьей Долгиных. Старик Долгин был замечательным мастером-шапочником. Работал он, не разгибая спины, кроил и шил разнообразнейшие головные уборы. Его заказчиками были офицеры, чиновники, студенты, гимназисты, крестьяне, приезжавшие на базар. Долгин внимательно

относился к заказчикам, но никогда перед ними не заискивал. Со мной старик Долгин разговаривал как с равным, открывал передо мной различные стороны жизни. Однажды он сказал: «Жандармской России скоро придет конец... Эта война закончится свержением монархии».

Долгин часто говорил о своих уже взрослых детях, считал, что они должны быть трудолюбивыми, образованными и интеллигентными людьми. Я познакомился с его детьми и понял, что они культурные, прогрессивные люди и вся семья Долгиных – это истинно интеллигентная еврейская семья. Все они мечтали о времени, когда прекратится дискриминация евреев, когда все будут иметь равные права. У Долгина было четыре сына: Миша, Володя, Петя и Мотя и одна дочь. Все они с детства помогали отцу-труженику и одновременно постоянно учились. Долгин рассказал мне, как старший сын Миша поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Он прекрасно сдал вступительные экзамены, но его как еврея не приняли. Тогда один из принятых, сдававший экзамены вместе с Мишей, уступил свое место Мише.

В квартире Долгиных, особенно во время каникул, собиралась поселковая интеллигенция, велись разнообразные дискуссии, большей частью на литературные темы. Читали стихи Бальмонта, Надсона, Пушкина, Лермонтова, Валерия Брюсова. Старик Долгин часто приглашал меня на такие вечера. Я приходил с записной книжкой и многое из того, что слышал, записывал. Я впервые узнал, что в литературе существуют различные направления: романтизм, реализм, символизм и т. д. Помню, что я записал высказывания об ораторах древности – римском – Цицероне и греческом – Демосфене, о философях Сократе, Платоне и Аристотеле. От дочери Долгина, которая училась в музыкальной школе в Харькове, я впервые услышал о Глинке, Чайковском, Антоне Рубинштейне и о «Могучей кучке». Как-то один студент рассказал о разногласиях между Плехановым и народником Михайловским. В связи с этим Володя Долгин, студент Харьковского университета, решительно заявил, что с точки зрения Михайловского, народ – это толпа, решает все личность. При этой дискуссии часто употребляли такие определения, как «народники», «земцы», «народовольцы», «крестьянская община», «эсеры», «кадеты», которые мне ни о чем не говорили. Однажды, это было во второй год войны, я увидел, как к мастерской Долгина быстрыми шагами шел офицер небольшого роста. На нем была серая шинель с золотыми погонами. Это был старший сын Долгина, штабс-капитан медицинской службы. Он приехал попрощаться перед отправкой на фронт с санитарным поездом. Долгин сразу закрыл свою мастерскую и вместе с сыном пошел домой. Вечером на квартире Долгиных собралось много народа. Я впервые увидел офицера-еврея, считал, что это невозможно в России. Правда, в газетах я читал, что даже ярые антисемиты – члены Государственной Думы – Шульгин, Марков 2-й и Пуришкевич признавали, что во время войны многие евреи проявили себя как патриоты России.

В поселке много говорили о храбрости Миши Долгина, рассказывали, что он на фронте под огнем вытаскивал с поля боя раненых и быстро оказывал им первую помощь. Об этом писали с фронта те, кто был с Мишей Долгиным в одной воинской части. Миша много писал отцу, братьям и сестре. Я видел, как старик Долгин, получив письмо от сына, ходил по мастерской и напевал какие-то библейские песни. При этом его глаза светились особой радостью. Но пришла беда. Однажды я заметил, что мастерская Долгина, обычно открывавшаяся рано утром, закрыта. В тот же день я узнал, что Миша Долгин погиб. В извещении, присланном военным ведомством, было сказано, что Михаил Моисеевич Долгин, штабс-капитан медицинской службы, пал смертью храбрых, защищая царя и отечество.

Смерть Миши поразила не только семью, но и многих жителей поселка, знавших его с детства. Вспоминали Мишу-гимназиста, доброго, отзывчивого мальчика, вспоминали Мишу-

студента, вдумчивого, гуманного и очень способного молодого человека, мечтавшего и о профессии врача. Некоторые говорили, что Миша был членом какой-то тайной организации, в программе действий которой было свержение монархии и изменение общественного устройства России. Страшная печаль вошла в дом Долгих. Старик изменился за одну ночь, сгорбился, заметно добавилось седины в волосах, глаза стали слезиться.

В нашем доме тоже все были подавлены. Отец сказал, что в синагоге собираются все верующие, будут молиться за Михаила Моисеевича Долгина. Забегая вперед, скажу, что еще два сына Долгих погибли во время Гражданской войны. Впоследствии я узнал, что Владимира Долгина расстреляли немцы во время оккупации Украины. Старика Долгина похоронили с большими почестями на еврейском кладбище поселка, его жена закончила жизнь в психиатрической лечебнице в Харькове. Только Петя Долгин, красивый молодой человек, кудрявый блондин с голубыми глазами, дожил до середины 30-х годов. Он в рядах Красной армии прошел Гражданскую войну, затем работал в ЦК компартии Украины. О судьбе дочери Долгих никто ничего не знал. Знавшие о трагедии семьи Долгих называли Петю «последним из могикан прекрасной семьи Долгих». Но и его жизнь оборвалась трагически, его причислили к «врагам народа» и расстреляли.

Через две недели после известия о смерти Миши Долгина мой старший брат получил повестку из военного ведомства. Он прошел медицинскую комиссию, был признан годным к военной службе. После полуторамесячной муштры его отправили на австрийский фронт. Мать и отец сильно горевали, проклинали царя и свору бездарных министров, втянувших Россию в бессмысленную войну. В поселке много говорили об Алисе-немке, якобы передававшей военные секреты немецкому военному командованию. После отправки на фронт моего старшего брата я загорелся желанием ехать за ним. Мое воображение поразил донской казак Кузьма Крючков. Подробно описывали, как он своей пикой заколол десяток немцев. Помню его фотографию, из-под фуражки сбоку торчала копна кудрей, на груди четыре Георгиевских креста. Тогда я вспомнил, что мой прадедушка за 25-летнюю службу в царской армии был награжден двумя Георгиевскими крестами и какими-то медалями. Моя мать хранила эти награды на дне сундука как редкие семейные реликвии, показывала их только по праздникам.

Вместе с боевым мальчуганом Олегом Кривенко я решил отправиться на фронт. Рано утром, когда поселок еще спал, мы пошли на вокзал. Через станцию Лозовая шли эшелоны на Львов, Черновцы, Одессу. Мы с Олегом были одеты в рубашки защитного цвета, подпоясаны широкими кожаными поясами с пряжками, на которых был изображен двуглавый орел. За плечами котомки с сухарями, парой чистого белья и портянками. Мы незаметно забрались в товарный вагон, пустой и грязный, были уверены, что с фронта нас не вернут. Я надеялся, что где-то встречу своего старшего брата, а Олег мечтал встретить своего отца, мобилизованного в армию в первые дни войны. Размечтавшись о том, как мы вернемся домой героями, уснули под мерный стук колес. Глухой украинской ночью мы проснулись, услышав фырканье лошадей и громкую ругань.

Поезд стоял на какой-то станции. Неожиданно наш вагон осветили фонарем. Нас заметили. Мы забыли о наших героических грезах, запищали, как маленькие щенки. Нас выволокли из вагона, лил дождь. Нас забросали вопросами: «Откуда едете и куда? Сколько вам лет? Почему едете зайцем?» Мы отвечали в один голос: «Едем к нашим родным на фронт». Все засмеялись, а мы думали, что нас будут бить. Явился какой-то чиновник и отвел нас к коменданту. Тот заявил, что мы заслуживаем хорошей порки, но, учитывая наши благородные цели, нас с сопровождающими отправят к родителям. Двое суток нас хорошо кормили, а затем отвезли на станцию Лозовая. Несколько дней я был объектом особого внимания. Моя мать

была очень напугана моим исчезновением. Она показала мне письмо брата Абрама с фронта, где было написано, что русские войска наступают, непрерывно атакуют австрийцев и мадьяр. Мой отец, по натуре скептик, удивлялся тому, что писал Абрам, поскольку все вокруг говорили, что русская армия отступает, несет большие потери. Когда отец еще раз внимательно прочитал письмо Абрама, он начал хохотать, а затем воскликнул: «Как же я не заметил в конце письма слово „феркарт“, написанное мелкими буквами. Это значит – все наоборот». Это было последнее письмо брата с фронта. Через восемь месяцев через Красный Крест мы получили от него сообщение, что он находится в австрийском плену.

По нашему поселку свободно бродили пленные австрийские и немецкие солдаты. Моя мать иногда приглашала в дом пленных австрийцев, угощала их, чем могла, давала им заштопанные, но всегда чистые носки. Они благодарили, низко кланялись. Мать говорила, что, наверно, и ее сын где-то в Австрии тоже ходит голодный, а добрые люди его подкармливают.

После моей неудачной поездки на фронт я возвратился к работе в парикмахерской Кислова. Я уже неплохо брил и стриг, начал осваивать плетение женских кос. Эта работа мне нравилась. Я садился у открытого окна, выходящего во двор, плел косы для местных модниц и одновременно наизусть учил стихи Пушкина и Некрасова. Косы продавались по хорошей цене.

Однажды на улице я встретил юношу лет шестнадцати, небольшого роста, коренастого, темноволосого, с правильными чертами лица еврейского типа. Он обращал на себя внимание необычайно решительным видом: шагал, держа руки в карманах и что-то насвистывая. Я принял его за уличного задиру, пытающегося завести скандальчик, и бросил в его сторону реплику:

– Герой, знай наших!

Он подошел ко мне и сказал:

– Ты кто такой? Чего лезешь? В зубы хочешь?

А я ему в ответ:

– Попробуй, храбрец!

Руки у меня сжались в кулаки, я был готов к бою. Юноша посмотрел на меня уже с любопытством, заложил руки в карманы и, посвистывая, ушел. Почему-то он напомнил мне Тома Сойера, героя Марка Твена. Через несколько дней мы снова встретились на вокзале, куда я ходил в свободное время, любил смотреть на поезда и пассажиров. Юноша подошел ко мне, протянул руку и сказал:

– Давай познакомимся. Мы с тобой не классовые враги.

Я узнал, что фамилия моего нового знакомого Дискантов и что он работает подручным в местной типографии. Мы стали часто встречаться. Как-то, чтобы продемонстрировать ему мой интерес к вольнодумству, я прочитал стихи Пушкина о декабристах, что вызвало бурную реакцию моего нового приятеля. Дух этих стихов необыкновенно соответствовал настроению и Дискантова, и моему. Оказалось, что стихи о декабристах могут настолько сблизить двух подростков, что мы начали верить друг другу самые сокровенные думы и чувства. До встречи с Дискантовым я чувствовал себя довольно одиноким, считал, что никому не интересны мои мысли и устремления. Посещая квартиру Долгих, при всем внимании ко мне, я все же чувствовал там себя пассивным слушателем. Совершенно иначе я чувствовал себя с Дискантовым. Я откровенно высказывал свое мнение и всегда встречал с его стороны понимание, происходил живой обмен мнениями по самым различным вопросам, вплоть до хода мировой войны и речей в Государственной Думе. Я чувствовал, что начало меняться мое восприятие окружающего меня мира и людей. Например, раньше меня не интересовало отношение хозяев парикмахерской, где я работал, к приходившим клиентам. С некоторых пор я стал на это обра-

щать внимание. В результате произошло столкновение, можно сказать, на классовой основе. Пришел постричься крестьянский паренек. Его постригли, побрызгали дешевым одеколоном, после чего сын хозяина предъявил счет на 3 рубля 50 копеек. По тем временам это была немалая сумма, она составляла всю дневную выручку паренька на базаре. Я знал, что с городского клиента за такие же услуги брали 30 копеек. Я не мог молчать и заявил:

– Подло обманывать несведущего деревенского паренька.

Сын хозяина ударил меня кулаком по лицу. Я одной рукой схватил стул, другой – бритву и кинулся на обидчика. Он стремительно выскочил на улицу и начал кричать: «Убивают!» Собралась толпа: все меня осудили. Я навсегда расстался с этой парикмахерской. Но дело этим не кончилось. Дома я не рассказал о случившемся, но отец кое-что узнал в синагоге. Он попросил меня все рассказать. Он пошел в синагогу, подошел к усердно молившемуся Кислову, схватил его за бороденку и крикнул:

– Старый ханжа! Ты перед Богом отмаливаешь грехи свои и сыновей, а в парикмахерской обманываешь простых крестьян!

Мои родители всегда бурно реагировали, когда сталкивались с несправедливостью. О стычке в парикмахерской я рассказал Дискантову, после чего он развил бурную деятельность, собрал группу молодежи, привел их к парикмахерской Кислова, расставил пикеты, которые никого не пропускали в парикмахерскую в течение трех дней.

Я впервые ощутил себя органичной частью какого-то коллектива, незримо стоявшего за моей спиной. С той поры Дискантов начал просвещать меня, рассказывал о жизни рабочих в России, о классовом подходе к оценке общественнополитических процессов и борьбе многих поколений за улучшение жизни простого народа. Он много знал о восстании декабристов и борьбе народовольцев с царским самодержавием, о покушениях на жизнь Александра II. Я впервые услышал о Гриневецком, Каракозове, Желябове, Перовской, Михайлове, Кибальчиче и многих других, боровшихся за свободу. При этом Дискантов не пояснял, что он понимал под словом «свобода». Тогда же он доверил мне свою тайну, сказал, что с четырнадцати лет состоит в подпольной организации РСДРП и считает главной целью своей жизни свержение царского самодержавия. Передо мной был молодой профессиональный революционер, вышедший из рабочей среды, с ярко выраженным классовым сознанием, четко излагавший основную цель своей жизни. Он удивил меня своей эрудицией, целеустремленностью, самобытным характером, ясностью и, как мне тогда казалось, независимостью суждений. Но я обратил внимание на некоторую односторонность и бескомпромиссность суждений.

Расстались мы с Дискантовым в начале 1915 года – он переехал жить в город Павлоград – после чего я о нем несколько лет ничего не слышал. Снова мы встретились в конце 1919 года.

К Екатеринославу, занятому армией генерала Слащева, подошла 14-я армия, которой командовал знаменитый Уборевич, бывший офицер царской армии. Армия Слащева без боя покинула Екатеринослав, после чего я ночью с группой подпольщиков переправился через Днепр в расположение 14-й армии. На следующий день, когда я стоял на берегу Днепра, кто-то подошел ко мне сзади и руками закрыл глаза. Это был Дискантов, в то время комиссар бригады 14-й армии. Мы обнялись и расцеловались. О многом переговорили за те несколько дней, которые провели вместе. Я был уже совсем не тем отроком, который с открытым ртом ловил каждое слово Дискантова, многое успел повидать, не раз побывал в острейших ситуациях, посидел даже в камере «смертников» и, главное, уже основательно познакомился с раз-

личными политическими течениями и имел о них собственное суждение. Помню, что в наших беседах на берегу Днепра

меня очень насторожила одна фраза Дискантова, которую он произнес, сославшись на какой-то авторитет: «Не так важны факты, как идеи, освещающие их». Он еще фанатично верил в возможность в условиях диктатуры пролетариата создать государство для народа.

Хотя в те годы мы быстро набирались ума-разума, нам еще было трудно осознать, насколько страшная суть заключена в подобных установках. Но довольно скоро многим из тех, кто активно поддержал революцию во имя осуществления прекрасной идеи, стало ясно, что под прикрытием высоких социалистических лозунгов начался беспремерный в истории человечества период физического уничтожения всех инакомыслящих. Жизнь сводила меня с Дискантовым еще несколько раз. Наши встречи всегда были очень дружескими, мы вспоминали юность и нашу фанатическую веру в возможность справедливого общества. Но с каждой новой встречей мы оба все больше убеждались, что от нашей веры остается все меньше и меньше. В начале 1920 года мы встретились в городе Павлограде, где Дискантов был начальником политотдела Павлоградского

гарнизона. Не знаю, как сложилась бы моя дальнейшая жизнь, если бы не рекомендация Дискантова назначить меня начальником эшелона мобилизованных украинцев, которых надо было доставить в Москву. Дискантов знал о моей давнишней мечте учиться. Но для этого мне, политработнику Красной армии, надо было попасть в Москву и добиться разрешения на демобилизацию через ПУР (Политическое управление Реввоенсовета республики). Мне это удалось, и я на всю жизнь сохранил благодарность Дискантову за понимание моих сокровенных устремлений и своевременную дружескую помощь.

Возвращаясь к моей жизни в поселке Лозовом. После скандала в парикмахерской Кислова я твердо решил искать счастья в большом городе. Больше всего мне рассказывали о Екатеринославе, Харькове и Полтаве, городах, близко расположенных к узловой станции Лозовая. Я свой выбор остановил на Екатеринославе – не только потому, что там жила моя сестра, но еще я знал, что город расположен на Днепре, в то время как ни в Харькове, ни в Полтаве не было приличной реки. Почему-то с самого детства я любил реки. Любовался движением пароходов и барж. С речными и железнодорожными магистралями в моем сознании связывалось бесконечное движение и таинственные неизведанные края. Как часто, стоя на станции либо на речной пристани, я с завистью смотрел, как удалялся пароход или поезд с пассажирами. Несколько раз я «зайцем» ездил в товарных вагонах до станций Панютино, Самойловка, Варварка и даже до Павлограда. Хотя это было сопряжено с некоторыми опасностями, я все же испытывал огромное удовольствие от такого «туризма». Во время Гражданской войны мне пригодился этот опыт.

И вот наконец пришло время, когда я, пятнадцатилетний юноша, беспаспортный мешанин, не имея в кармане никакого свидетельства, удостоверяющего мою личность, решил один, без сопровождения старших, отправиться в большой промышленный город. Город меня манил, но в то же время и пугал. Я читал уже о подобных путешествиях знаменитого Ломоносова, Максима Горького, Михаила Фарадея – их образы меня вдохновляли.

ГЛАВА 5

Абрам Шлионский и Матус Канин, мои друзья и учителя.

Стояло замечательное июньское утро, когда с мешком за плечами я направился на станцию. Я с грустью смотрел из окна вагона и видел, как мама махала платочком и вытирала слезы. Так кончилось мое отрочество. Я приехал в город Екатеринослав, большой промышленный и торговый центр Приднепровья.

В судьбе каждого человека иногда большую роль могут сыграть встречи с незаурядными, талантливыми, волевыми, целеустремленными и одновременно высоконравственными личностями. Начиная воспоминания о периоде моей жизни в Екатеринославе, забегу несколько вперед. В небольшом отступлении кратко опишу то, что прямо или косвенно связывало меня с двумя неразлучными друзьями, двумя молодыми людьми – Абрамом (Мулей) Шлионским и Матусом Каниным в течение нескольких лет начиная с 1915 года. Вполне возможно, что, если бы я не встретил их, моя жизнь пошла бы по иному пути, может быть, и менее драматичному. Но я до конца своих дней буду благодарен им за то, что они привили мне любовь к систематической учебе, литературе, науке и мировой культуре в самом широком понимании.

Время было смутное, общество бурлило. Большинство хотело перемен, но сравнительно небольшая часть боролась за эти перемены активно, основная масса народа была довольно пассивной. Шлионский и Канин принадлежали к наиболее активной части молодежи, они участвовали в демонстрациях, очень много времени отдавали занятиям в различных кружках: рабочих, студенческих, гимназических. Оба друга были высокообразованными и прогрессивными людьми, безоговорочно выступали за ликвидацию реакционного монархического режима в России. Расходились они принципиально в путях решения вечного еврейского вопроса.

Но начну с несколько необычных обстоятельств, при которых состоялось наше знакомство. В первые дни жизни в Екатеринославе я много бродил по городу. Меня часто тянуло к воротам Брянского завода, крупнейшего предприятия в городе. Этот завод занимал большую территорию на Чечеловке, знаменитом рабочем районе. Я с каким-то радостным чувством смотрел, как после гудка мощный и шумный поток рабочих выливался из заводских ворот и медленно растекался по улицам Чечеловки. Многие отправлялись прямо в пивнушку. У заводских ворот приходилось быть свидетелем и семейных драм. Жены и матери в дни полочки поджидали своих мужей и сыновей, чтобы перехватить их до пивнушки и избавить от потасовок, доходивших до драк, а иногда и до убийств. Однажды я ввязался в семейный конфликт. Молодая красивая женщина долго уговаривала своего мужа пойти домой. Она называла его ласковыми словами вроде «голубок», «сердечный», «дома вкусный борщ стынет». А парень с огромной копной черных волос, когда жена схватила его за полу куртки, вдруг залепил ей пощечину. Вокруг все захохотали, в ее адрес выкрикивались самые циничные реплики. В этот миг я почувствовал, что у меня сжались кулаки, кровь прихлынула к лицу. Я бросился на парня, со всего размаха ударил его головой в живот. Откуда только у меня взялась такая бешеная сила! Парень свалился на землю. Он пытался подняться, но я снова ударил его. Я был в таком бешенстве, что даже не почувствовал, как сзади меня схватили какие-то цепкие руки, и в мою щеку впились острые зубы. Это была молодая женщина, за которую я вступился, она со всей яростью защищала своего «голубка». Я растерялся. Рукой вытирал кровь на щеке. Не знаю, чем бы это могло кончиться, если бы к месту происшествия не подошло много зевак

и любителей уличных баталий. Но среди них были два человека, одетых в студенческие куртки. Один из них был небольшого роста, смуглый, с большими темно-кариыми глазами, с волосами цвета спелого каштана – он стоял и машинально покачивал головой. Другой студент отличался астенической внешностью, у него была впалая грудь и приподнятые плечи, глаза глубоко сидящие, так что нельзя было различить их цвет. Вскоре я узнал, что это были студенты Екатеринбургского политехнического института. Смуглый и низкорослый подошел ко мне и своим носовым платком попытался вытереть с моей щеки кровь, вытекавшую из ранки от укуса моей Дульциней. Один из моих новых знакомых назвался Матусом Каниным, другой, с впалой грудью и приподнятыми плечиками, сказал:

«Меня зовут Мулей Шлионским». Потом я узнал, что его имя Абрам. Эти два студента знали друг друга с детства, сидели за одной партой в Виленской частной гимназии Кагана. Оба они увлекались математикой и физикой, но прекрасно знали латынь, греческий язык, свободно разговаривали на немецком и французском языках, цитировали наизусть Тацита, Иосифа Флавия, Цезаря, выразительно читали по-латыни речи Цицерона, произнесенные им в римском сенате. Они прекрасно знали западноевропейскую и русскую литературу, любили живопись и музыку. Одним словом, судьба свела меня с образованными людьми в полном смысле этого слова.

У этих молодых людей наблюдалась еще одна важная особенность – они с исключительной внимательностью относились к людям, особенно к своим друзьям, немного идеализировали выходцев из рабочей среды. На Брянском заводе, где Канин и Шлионский проходили производственную практику, у них было много друзей среди рабочих. Они создавали рабочие кружки и обучали рабочих бесплатно русскому языку и арифметике, знакомили любознательных юношей с классиками русской и иностранной литературы. В один из таких рабочих кружков я и попал – и это было не только началом моего систематического образования, но и началом моей сознательной революционной деятельности. В кружок входили квалифицированные и сознательные рабочие, пытавшиеся осмыслить конкретные текущие события и понять более глубокие закономерности природы и общества. В связи с этим их интересовали, например, и такие весьма непростые вопросы: прибавочная стоимость по Марксу, кризис производственных отношений, деспотизм и демократия, сущность войн, в том числе и Первой империалистической, религия, политические партии, национальный вопрос. Занятия проходили очень интересно.

Я с удивлением и восхищением внимал всему, что говорили Шлионский и Канин.

Они были не просто учителями, а настоящими просветителями в самом высоком смысле, высокоинтеллигентными и гуманными, считавшими просвещение народа одной из главных задач интеллигенции. Но и аудитория была благодарная, все, кто посещал занятия, очень тянулись к знаниям. Например, помню обсуждение еврейского вопроса. Я думал, что эта проблема неинтересна для русских рабочих, а получилось наоборот, все очень активно высказывались. Общий тон задали Шлионский и Канин, которые изложили две различные, можно сказать, противоположные точки зрения. Шлионский считал, что любые социальные проблемы могут успешно решаться только в рамках национальных образований, на базе национальных традиций и культур. Канин же на первый план выдвигал социальные проблемы и, будучи убежденным марксистом (бундовцем), считал, что их решение принесет только надвигающаяся революция, после чего национальный вопрос исчезнет сам собой. Споры были горячие, большинство, в том числе и я, поддержало Канина. Здесь я хочу позволить небольшое отступление. Наиболее передовая часть рабочих предреволюционной России, как правило, высококвалифицированных, составляла совершенно особый слой общества. Это отдельная очень большая и сложная тема. Именно они сознательно и активно поддержали Октябрьский переворот. Но очень

скоро многие передовые рабочие начали понимать, что события развиваются не так, как они предполагали. В результате они же первыми начали бороться с диктаторскими тенденциями в правящей партии (рабочая оппозиция) и первыми попали под нож гильотины. Насколько мне было известно, Сталин патологически боялся квалифицированных, политически грамотных рабочих. И как только предоставилась возможность, по его указанию практически полностью был уничтожен весь цвет российского рабочего класса.

В это бурное предреволюционное время рабочие часто бастовали, выдвигали требования и политического, и экономического характера. Шлионский и Канин нередко были среди организаторов забастовок, которые иногда заканчивались кратковременными арестами. Я же примыкал к этим забастовкам стихийно, еще не понимая глубинных причин всего происходящего, не ощущая, что у меня начало формироваться определенное политическое сознание...

Я был счастлив. В это время я уже начал работать, рабочий день продолжался десять часов, спал не более шести часов, остальное время занимался. Мои учителя давали мне задание, которое я должен был выполнить к определенному сроку, затем проверяли, насколько я усвоил материал, кое-что дополнительно разъясняли и давали следующее задание. По любому вопросу они требовали от меня – и в конце концов добивались – точных формулировок. Мы собирались в комнате, которую снимали вместе Канин и Шлионский. Они оба не придавали никакого значения своему быту. Студенты жили в какой-то мансарде на пятом этаже. Вся обстановка их жилища была более чем скромной: две железные кровати, деревянный столик без скатерти и клеенки, заваленный в полном беспорядке книгами, бумагой, карандашами и чернильницами. Здесь же находились и немытые чашки, чайные ложки, фотокарточки их близких и знакомых девушек-курсисток. Особенно меня интересовали книги этих двух студентов. Среди книг в полном беспорядке лежали работы химика Писаржевского, биолога Дарвина, «Рефлексы головного мозга» Сеченова, «Метафизика» Аристотеля и много произведений классиков художественной литературы. На двух подоконниках лежали «Капитал» Маркса и книга Зиберера «Маркс и Рикардо», книги по русской и западной истории, а также «Фауст» Гете. Мне помнится, что я перелистывал томик «Фауста» и натолкнулся на фразу: «Я дух, который вечно отрицает». Хотя я тогда не был силен в области философии, все же эта фраза запомнилась мне на всю жизнь.

Мои занятия шли очень интенсивно. Чтобы сдать экзамены за полный гимназический курс, надо было подготовиться по очень многим предметам. В программу входили: древняя и русская история, литература, география, физика, химия, биология, алгебра, геометрия, немецкий и латинский языки. Мои учителя, считая, что у меня хорошая память и способность быстро схватывать суть, давали очень большие задания. В результате, уже после двух месяцев занятий я почти свободно читал и переводил с латинского «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, а также со словарем переводил с немецкого «Вильгельма Телля» Ф. Шиллера. Кроме обязательных гимназических учебников, по настоянию Шлионского и Канина я должен был не просто прочитать, а проработать много дополнительных материалов. В тот год с их помощью я довольно основательно познакомился с трудами психолога и философа Челпанова («Логика», «Психология», «Мозг и душа»), литературой о христианстве («Миф о Христе» Дрекса, «Бог и Иисус» Ренана), произведениями Гомера («Илиада», «Одиссея») и с основными произведениями Шекспира. Надо сказать, что в значительной степени под влиянием прочитанных книг, особенно таких, как «Разбойники» Шиллера, «Овод» Войнич, в 16 лет в моем сознании сформировался образ революционера – человека правдивого, смелого, готового свою жизнь отдать за свободу народа.

Шел 1916 год, канун Февральской революции. В аудиториях учебных заведений вместо лекций проходили непрерывные митинги, на которых велись бурные политические дискуссии.

Шлионский и Канин забросили учебу в институте, много времени проводили на различных собраниях и на занятиях в кружках с рабочими и студентами. Вместе собирались и жарко спорили представители многочисленных политических партий: социал-демократы, левые и правые эсеры, кадеты, трудовики, большевики, анархисты, бундовцы, сионисты и поалей-сионисты*. Два друга всегда становились центром обсуждения самых различных проблем. Вероятно, их огромная эрудиция во многих областях и спокойная, аргументированная манера обсуждения любой, даже очень острой проблемы, вызывали к ним общую симпатию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.